

: i 𐌹𐌿𐌻𐌰𐌿 𐌹𐌿𐌳𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 :

: i 𐌹𐌿𐌳𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 :

АЛАНТИР

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО
ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

АВГУСТ
2007

54

: i 𐌿𐌰𐌰 𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿𐌳𐌰𐌿 :

Д. Могилевцев. О письменности и законоустройстве или почему хоббиты говорят стихами.	4
Михаил Кизилев. Прогулки с Профессором, или историческая топография Оксфордшира в произведениях Дж.Р.Р.Толкина.	9
Валерий Иванов. Инзильбет, дочь Гимильгазара: маленькое генеалогическое исследование.	15
Дэвид Даган. Tolkien in Translation & Translating Tolkien: Text and Film.	18
Дэвид Даган. J.R.R. Tolkien Encyclopedia: Scholarship and Critical Assessment & The J.R.R. Tolkien Companion and Guide.	22
Трауберг Н.Л. Отрывок: “В конце тысячелетия. - 2. Показания очевидца”.	25
Мария Семенихина. “The Mistress of Vision” Ф. Томпсона и «Властелин Колец»: интертекстуальные переключки.	28
Виноходов Д. О. "Между Ингольдом и Христом".	40

На последней странице - работа Екатерины Шемяк “Под вывеской “Гарцующий Пони””

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 54 июль 2007

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делали: Наталья Антонова, Мария Семенихина,
Дмитрий Виноходов, Золтан Бардинг, Морзул, Ари*

Наш адрес: 197110 Россия, СПб, ул. Б.Зеленина 15-33

E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru eondil@mail.ru

Наш сайт: tolkien.spb.ru

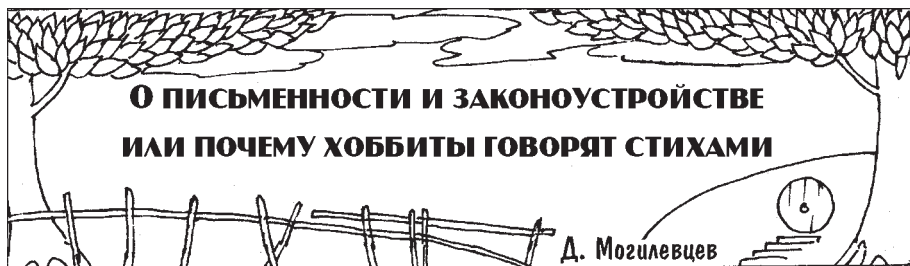
Copyright (c) 1997-2007, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Просим присылать файлы только в формате RTF.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Ещё при первом прочтении «Властелина колец» меня весьма удивила приверженность главных героев к поэзии, а именно, к неожиданному стихочитательству в самых неожиданных обстоятельствах. Ладно, если бы раздражались стихами существа таинственные и странные, вроде эльфов или загадочных престолонаследников тысячелетних династий, - но стихами радуют окружающих большей частью хоббиты. Поразило это меня не в малой степени потому, что первым моим переводом был труд Кистяковского и Муравьёва, где отправившиеся в поход к Ородруину хоббиты предстают и вовсе парнями из соседнего подъезда, - а не отпрысками богатой сельской аристократии и их слугами.

В наши прозаические времена на человека, который после полуденного перехода под рюкзаком по сильно пересечённой местности вдруг разразится балладой, спутники, как правило, посмотрят странно. Хоббиты же, как можно судить из «Предисловия» к «Властелину колец», народ прагматичный, здравомыслящий и к романтике, за крайне редкими исключениями, не приверженный. Более того, в тексте можно найти недвусмысленное указание на то, что хоббитскую общественность, в общем и целом, перспектива вечера поэзии радовала не более, чем нас с вами, - собравшиеся на юбилей Бильбо с ужасом ожидают, что он начнёт в своей праздничной речи потчевать гостей виршами.

Вообще, страна хоббитов, - и в существующих переводах на русский куда ярче, чем в оригинале, - кажется забавным анахронизмом, куском недавней нашей повседневности, перенесённой в диковинный, странный и опасный мир. Хоббиты пишут друг другу письма, да с такой интенсивностью, что почтальоны их сбиваются с ног. Хоббиты торгуют, - и табаком, вывозимым даже и за границу (1), и недвижимостью, - развозят, пишут завещания, требующие подписи семи свидетелей красными чернилами, бывают заядлыми читателями и пишут книги. Последнее занятие хотя и необычно, но не настолько, чтобы не послужить, как и в наши дни, достаточным поводом к путешествию. Хоббиты пьют чай, сажают картошку, производят в больших количествах винные бутылки, носят шёлковые жилеты с золотыми пуговицами и чеканят монету. Более того, в тексте проскальзывает даже сравнение фейерверочного огненного дракона с поездом! Ни дать, ни взять поздневикторианская английская глубинка, которую так любил сам профессор Дж. Р. Р. Толкин.

Шир кажется неким подобием культурного телескопа, дающего нам через хоббитский здравый взгляд, столь схожий с нашим, посмотреть на всех этих эльфов, витязей и насельников средневекового бестиария. И поверить в них.

И мы верим. Да так, что у многих появляется желание вкопаться в выстроенный Толкином мир, вжиться в него, распознать и рассмотреть каждую его мелочь, в-существоваться в него. Стать его мудрецом, и соучастником его творения. Сам Толкин писал: «Я не совсем уверен, что склонность рассматривать всё это как некую огромную игру на самом деле хороша, - по крайней мере, для меня, находящего подобное увлечение попросту чересчур привлекательным. Полагаю,

она - забавное следствие весьма детальной и утонченной проработки географии, хронологии и языка в книге. Потому столь многие хотят всё больше «знания» ...» (Дж. Р. Р. Толкин, Письмо 160 (2)) И, добавим, следствие поразительной целостности, естественности, внутренней непротиворечивости, - живости этого мира.

Так как же в него укладывается Шир?

Посмотрим на него внимательно. Во-первых, Шир, - немаленькая страна. К примеру, Карен Фонстад, автор «Атласа Средиземья», оценивает её площадь в двадцать одну с половиной тысячу квадратных миль (3). А это больше четверти площади Беларуси. И больше всей Дании. Крупных городов в Шире нет, заселён он довольно-таки плотно, земли его урожайны, сами хоббиты трудолюбивы и семейственны. Ко времени действия, разворачивающегося во «Властелине колец», хоббиты долгое время наслаждались спокойствием, нормальной урожайностью и отсутствием стихийных бедствий. То есть, можно предположить, что Шир населяло несколько сотен тысяч хоббитов (4). Даже если сократить эту оптимистическую оценку до единственной сотни тысяч, - население, по средневековым меркам, весьма значительное.

И в то же самое время, - в стране практически нет гражданской администрации! Совершаются сделки, составляются завещания, тянутся обычные хозяйственные свары, - как же без них? - кто-то на кого-то работает и получает плату, и плата эта как-то регулируется, дети, - пусть и далеко не все, - как-то обучаются грамоте и ремёслам. И на всё это, - один-единственный управляющий чиновник, хоббитский «мажордом» («mayor»), почта да горстка стражников, обходящих, большей частью, границы Шира. Никаких полиций и судов! Есть законы, - но никаких средств принуждения к их исполнению. Есть знатные семьи, древние, богатые и уважаемые. Им принадлежат земли. Глава семейства Туков носит традиционный титул хоббитского тана (“Thain”), - командира ширского ополчения и главы всеобщего собрания хоббитов, давным-давно уже, впрочем, не созываемого. Сам Толкин подобное устройство называл «наполовину аристократией, наполовину республикой» (5). Но никаких особых способов навязывать свою волю, а, тем паче, улаживать споры друг с дружкой хоббитская «аристократия» не имеет.

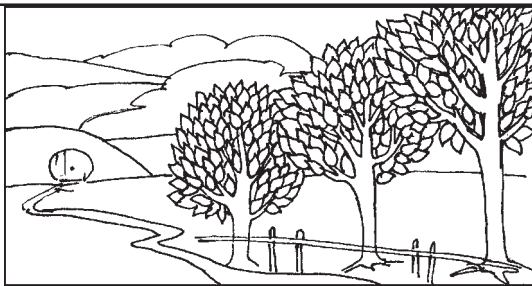
Конечно, нужно принять во внимание исключительную миролюбивость хоббитов, и послушность законам, которые они получили в древности от полумифических в их представлении князей-нуменорцев. Но, как отмечается в том же «Прологе», и как мы видим в самом «Властелине колец», хоббиты, - отнюдь не пугливые увалыни. Они умеют постоять за себя, даже и с оружием в руках, и настоять на своём. И повседневная жизнь их отнюдь не бесконфликтна. Так как же это общество существует столь долгое время? Даже если Шир и защищают от чудищ и орков следопыты Севера, - как же такое не-государство, не-племя, а просто аморфное собрание живущих вместе шерстолапых человечков может существовать, почти не замечая внешнего мира?

В не столь уж давней европейской истории есть сходный пример «полу-аристократии, полу-республики». И это, как ни странно, - средневековая Исландия. Сколь ни похожи хоббиты на драчливых древних скандинавов, а существовала Исландия практически так же, как и Шир, - аморфным скоплением хуторов и усадеб по берегам фьордов. Со «знатными людьми» и законами, но без какой-либо официальной силы, призванной эти законы поддерживать, и защищать права «знатных» и «незнатных». На всю Исландию имелось одно-единственное официальное лицо, - законоговоритель, чьей обязанностью было трижды в год на тинге, собрании свободных жителей Исландии, оглашать, буде такая надобность возникнет, любой из существующих законов. Любопытно, что кодифицированы эти законы не были, и если законоговоритель не мог вспомнить соответствующего закона, закон этот автоматически переставал существовать. Тем более любопытно, что при этом средневековая Исландия была страной грамотной. Даже самые бедные бонды учились читать и писать. Когда же на тинге выносился приговор, исполнение его возлагалось на тяжущихся.

Само собой, существовать подобное около-анархическое образование могло, лишь пока

отсутствовала угроза извне. И пока сохранялось равновесие сил внутри, - пока никакой знатный род не набрал достаточно сил, чтобы подчинить тинг своей воле. А набрать её он мог, в частности, и пользуясь поддержкой извне. Так окончилась независимость Исландии, - так же едва не попал под власть Сарумана и Шир. Не удивительно ли, - как многочисленные, и не трусливые, в общем-то, хоббиты допустили, чтобы Саквиль-Бэггинсы начали скупать ферму за фермой, и превратились, по сути, в хозяев Шира, - и дали возможность установить явственно мордорские порядки? А они и не могли не допустить, - по сути, Шир был бессилен против такой агрессии изнутри, проводимой вполне в рамках хоббитских законов и обычаев. Потребовалось опять же вмешательство извне, - в лице Фродо и компании, чтобы Шир объединился и выдал из себя чужеродное. А после, - тоже знаменательно, - государь Элессар запретил большому народу появляться в пределах Шира. Одновременно, сообщается, что хоббиты стали куда активнее интересоваться делами заширскими, - то бишь, можно предположить, что были приняты меры, позволяющие приспособить Шир к угрозам извне, подобной уже пережитой. Усилился интерес и к собственному прошлому, - и к собственным законам, надо думать, тоже.

Примечательно ещё и то, что мажордомом Шира стал набравшийся чужеземного опыта Сэмвайз Гэмджи, - хоббит, мягко говоря, не самого знатного рода. Логично бы предположить, что пост мажордома как раз то и не был предназначен для представителей аристократии. Но даже если он и был открыт для всех (хотя механизм избрания ширского мажордома и не совсем ясен, раз всеширское собрание не проводится), - законотворческой властью мажордом Шира не обладал. Как и исландский законоговоритель, он мог лишь оглашать закон. Наверняка, он мог и истолковывать его, распространяя на новые, не случавшиеся дела, следуя обычаям, прецедентам и заведомо устаревшему своду установлений, доставшемся в наследство от древнего князя. На самом-то деле, европейское средневековье большей частью и не знало закона писанного, кодифицированного, - законы считались происходящими из естественного хода жизни, и старинные обычаи, засвидетельствованные самими старыми жителями местности, рассматривались в судах как важное дополнение к законодательству.

Помимо законоустройства, есть у Шира и Исландии сходство и совсем другого порядка, отнюдь не поверхностное. А именно, - сходство культурное. И Шир, и средневековая Исландия, - страны пред-письменной культуры, в которой на равных правах уживаются и устная, и письменная традиции. Как и у Исландии, куда письменность пришла с континента, хоббиты получили свою письменность также извне, от нуненорцев. Надо думать, так же, как и в Исландии, воспринятое извне не разрушило, а, напротив, обогатило культуру, органично вписалось в неё. В Исландии принятие христианства, принесшего с собой письменность, отнюдь не сопровождалось искоренением местных обычаев. Христианство запрещало колдовство, - но исландцы ко времени принятия христианства к колдовству и без того относились скверно. А поклонение прежним богам было потихоньку вытеснено, но забывалось медленно. К примеру, в предисловии к «Младшей Эдде» Снорри Стурлуссон (1179-1241), живший на два века позже введения в Исландии христианства, изображает богов-асов пришельцами из Азии, - многознающими, искусными людьми, прикинувшимися сверхъестественными существами, и морочащими шведского конунга Гюльви. Но в финале Снорри Стурлуссон таки не удерживается от открытого намёка на то, что боги-то, в общем, настоящие (6).

Любопытно, как именно входила письменность в культуру Исландии. Сперва письменность использовалась для фиксации инокультурного. Для изображения жизни других народов. Для вариаций на чужеземные сюжеты. Для исторических трактатов. Знающие латынь исландцы даже писали на латыни стихи, - само собою, не забывая указывать своё авторство. А затем, - не удивительно ли, - адаптированную к старонорвежскому языку латинскую письменность стали использовать для записи саг и своей поэзии, и записанное авторство потеряло! Люди не писали саги, - они их записывали. И неизбежное субъективное влияние, отпечаток своего «я» на впервые фиксируемом на бумаге предании, воспринимались как ничем не отличающиеся от неизбежной при устном пересказе субъективной вариативности. Для исландцев, как и для хоббитов, потому ничего странного не было как раз в тех книгах, которые содержат и так уже известное всем, и без всяких излишеств. Книги эти были запечатлённой традицией, имперсональной, не-авторской, необходимой для переемственности, - и избавившей от необходимости заучивания огромных текстов, с неизбежными в процессе потерями. Само собою, и авторские тексты спокойно сосуществовали с неавторскими. Интересно, что книгу Фродо собирается писать как раз об иноземном, - о хоббитах, живущих за пределами Ши́ра.

До-письменная скандинавская традиция, - в немалой мере стихотворная. Саги изобилуют стихотворными вставками. Герои изображаются изрекающими висы даже на грани гибели, причём даже когда нет свидетелей, способных эти висы запомнить и донести до потомков. И это не казалось записывающим саги неестественным. Отличие в стихотворную форму знания, - способ сохранить, и сакрализовать его в до-письменной культуре. Наши пословицы и поговорки, всё более выходящие из употребления, - последние рудименты до-письменной культуры, окончательно истреблённой всеобщим средним образованием. Стихи как способ запечатлеть знание применялись и много позже не то что распространения письменности, - но даже и книгопечатания. Нынешних студентов нередко удивляет склонность древнеримских поэтов и гениев возрождения излагать описание законов природы и приборов стихами. Во времена Елизаветы Великой, один из её придворных, поэт и финансист, даже описал в изящной поэме устройство первого унитаза со сливом (к слову, унитаз построили согласно описанию и установили в покоях королевы, к большому её удовольствию; но ревностный католик Яков, сменивший королеву на троне, богомерзкое устройство велел сломать).

Во «Властелине колец» псевдо-викторианство Ши́ра, - не более чем маска, созданная, к тому же, большей частью воображением читателя, услужливо подрисовывающего картину вокруг нескольких знакомых деталей до тех пор, пока она не станет чем-то близким и знакомым. На самом-то деле, хоббитская культура (по крайней мере, в отношении к письменности и государственности), - архаичнее нуменорской, несмотря на все древнеегипетские аллюзии последней. Хотя, тут стоит заметить, что и в культуре эльфийской, давшей корни культуре Нуменора, до-письменная традиция полноправно сосуществует с письменной. Эльфы Средиземья стараются лишь ничего не потерять (хотя теряют всё равно, несмотря на все усилия). Бильбо, прижившийся в Ривенделле, может в точности предсказать своему племяннику, что именно будут петь эльфы во время обычного вечера песен и воспоминаний, из которых и состоит почти вся жизнь нолдор Третьей эпохи Средиземья. Но потомки нуменорцев, обжившие Средиземье, уже полностью отданы во власть времени. Как говорит Фарамир: «Мы - люди сумерек, сохранившие память о прошлом» (7). Люди культуры, теряющие традицию, передоверяющие её бумаге, - как показывает опыт, хранителю куда ненадёжнее, чем традиция устная. Традиция искажается, но знание, оторванное от человека, доверенное на сохранение мёртвому, - попросту теряется без следа вместе с пергаментом или бумагой, на которой запечатлено. И письма основателя Гондора, величайшего воина людей со времён Берена и Турина, пылятся, никому не нужные и забытые, в библиотеке, которую никто не удосуживается привести в порядок.

Путешествие хранителей Кольца с севера на юг, от Шира и Ривенделла к Гондору, это, в сути своей, возвращение прошлого в настоящее, оживление заблудившегося, ослабевшего, потерявшего корни человеческого настоящего памятью о том, что оно чуть не потеряло. И хоббиты, - часть этого живого прошлого. Не самая худшая часть, - и, во всяком случае, самая человеческая.

Примечания:

Сведения о хоббитах, если не указано дополнительно, почерпнуты из «Пролога» к «Властелину колец».

(1) О табаке, вывозимом за границу: Book III *Chapter 9* “Flotsam and Jetsam”. Пиппин и Мерри обнаруживают табак из Южного удела Шира среди развалин Изенгарда.

(2) I am not now at all sure that the tendency to treat the whole thing as a kind of vast game is really good – cert. not for me, who find that kind of thing only too fatally attractive. It is, I suppose, a tribute to the curious effect that story has, when based on very elaborate and detailed workings of geography, chronology, and language, that so many should clamour for sheer ‘information’, or ‘lore’ (Letter 160, J. R. R. Tolkien).

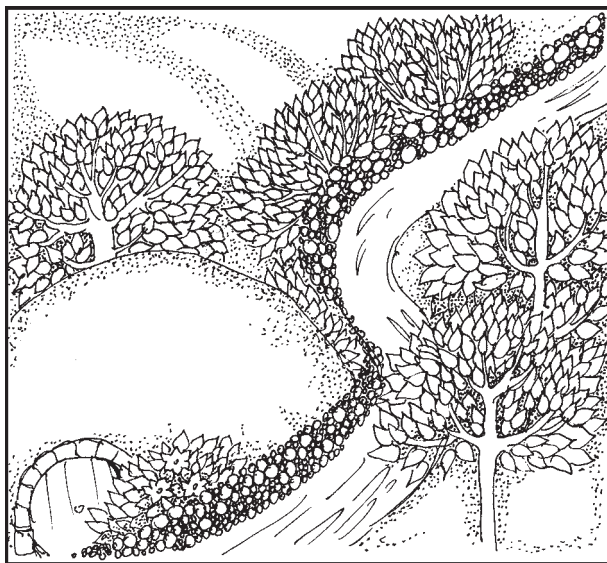
(3) Fonstad, Karen Wynn. **The Atlas of Middle-Earth**. Boston: Houghton Mifflin, (1981) p.69.

(4) Такую оценку даёт **William H. Stoddard** в эссе «Social and political structure in the Shire as portrayed in **The Hobbit and The Lord of the Rings** and related works by **J.R.R. Tolkien**»; <http://troynovant.com/Stoddard/Essays-Tolkien>

(5) Буквально «half republic, half aristocracy of the Shire». letter #183

(6) О.А. Смирницкая, «ЛИТЕРАТУРНОЕ СОЗНАНИЕ ИСЛАНДЦЕВ XII-XIII вв. И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРОВЫХ ФОРМ», http://www.screen.ru/school/sever/rechi_vysokih/rechi_vysokih.htm

(7) «We are become Middle Men, of the Twilight, but with memory of other things.” Book IV *Chapter 5* The Window on the West

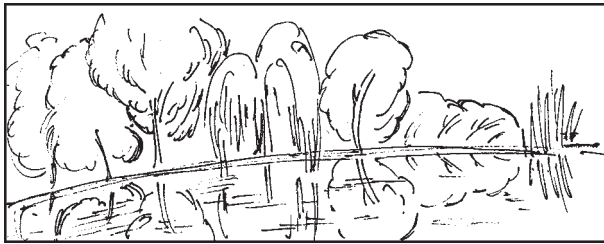

К читателю: Все цитаты из работ Профессора приведены в моем переводе с языка оригинала. Данное повествование было написано мною достаточно давно, осенью 1998 года, вскоре после печального возвращения из волшебных земель Соединенного Королевства Великобритании в родные, по-прежнему милые, но все же значительно менее эльфийские пенаты. Сейчас я учусь в Мертоне, том самом колледже, где некогда преподавал Профессор, беседую с преподавателями, которые еще хорошо его помнят, ежедневно хожу той самой улицей, по которой так часто ходил в колледж сам Профессор... Несмотря на то, что с момента моих тогдашних странствий по Оксфордиширу прошло уже около восьми лет, здесь ничего не изменилось – все те же lanes, flowers, and College towers, и тот же мелкий дождь, сквозь пелену которого я впервые увидел тогда Оксфорд – город, где было создано Средиземье...

Михаил Кизилов

ПРОГУЛКИ С ПРОФЕССОРОМ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ОКСФОРДШИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА

«Все, кто доньше проживают на территории Малого Королевства, смогут найти в этой истории правдивое объяснение происхождения названий, которые многие из городов и селений этой местности носят и в наше время.»

Дж.Р.Р.Толкин «Фермер Джэйлс из Хэма»

Часть 1. Некоторые замечания относительно истории, топографии, географии и этимологии.

Думаю, что не сообщу ничего нового, сказав, что в процессе создания мира «Средиземной» реальности, Толкину приходилось изобретать совершенно особый, не имеющий ничего общего с «британской» реальностью, понятийный аппарат, состоящий из различного рода топонимов и географических наименований. Однако в нескольких новеллах, не входящих в Средиземный цикл, Профессор не столько изобретал новую, сколько искусно и остроумно использовал уже существующую британскую топонимику, немало забавляя себя подобного рода

псевдоэтимологизированием.

Две из этих новелл, «Фермер Джайлс» и «Кузнец из Большого Вуттона», действие которых практически полностью проходит в границах современного Оксфордшира, особенно интересны и показательны в этом отношении. Практически ни один из топонимов, использовавшихся Профессором в этих двух новеллах, не был им придуман: все они с легкостью могут быть найдены в любом из достаточно крупномасштабных географических или автодорожных атласов Оксфордшира, графства, где Профессор прожил большую часть своей жизни, где им, собственно говоря, и было создано Средиземье. В данной статье мне хотелось бы немного рассказать о том, как соотносится мир толкиновских фантазий с реально существующими английскими населенными пунктами, описать свои собственные впечатления и наблюдения по поводу увиденного, а также рассказать о дорогах для сердца каждого толкиниста Профессорских любимых местах и достопримечательностях Оксфорда.

Итак, let us start our journey into the realms of Tolkien's tales. Начать следовало бы с «Фермера Джайлса из Хэма», одной из наиболее необычных и насмешливых новелл Толкина, представляющей собой своеобразное комическое переосмысление коллизий британской истории, хронологически размещенное им в период «после короля Козля, но ранее времен Артура» (т.е. приблизительно ранее конца пятого века н.э.). Как мне представляется, географически Джайлсовское Малое Королевство можно идентифицировать с Оксфордширом, так как его размытые очертания практически совпадают с современными границами графства. Как пишет предполагаемый «автор хроники Малого Королевства» (т.е. сам Профессор), Королевство, «по-видимому, никогда не достигало верховьев Темзы на западе, или Отмура на севере; его восточные границы также доподлинно неизвестны» (кстати, как сообщает введение в «Фермера», этот анонимный «автор» был не очень-то силен в географии и «по-видимому, сам проживал в землях Малого Королевства» :). В общем и целом, историко-географическую арену событий новеллы можно локализовать в “долине Темзы вкупе с экскурсией в северо-западном направлении к скалам Уэльса” (под этой “экскурсией” “переводчик” хроники Малого Королевства “с очень островной латыни на современной язык Объединенного королевства Великобритании” понимал, по-видимому, карательную экспедицию в таинственные и небезопасные владения Хризофилакса, недалекого великана и других подозрительных персонажей).

Тем не менее, как вы несомненно помните, географический центр новеллы находится не в нынешнем центре графства, академически-высокомерном Оксфорде, а в небольшой, по английским стандартам, деревне, именуемой Толкином Хэм (Ham/Tame/Thame), находящейся в восточной части современного Оксфордшира. Оксфорд вообще упоминается в новелле только лишь однажды, да и то в достаточно саркастическом ключе, когда «Четырем Мудрым Клирикам из Оксенфорда» задается вопрос относительно значения термина «мушкетон» (blunderbuss). Можно добавить, что «Джайлс», имя главного «героя» произведения, также очень подозрительно напоминает название одной из центральных улиц Оксфорда, улицы св.Джайлса, на которой находились столь дорогие сердцу Профессора пабы «Орел и Ребенок» и «Теленок и Флаг» (что тоже символично, если вспомнить, что Джайлс был зачастую не прочь пропустить пару кружек пива).

Иногда действие новеллы выходит за рамки Оксфордшира, как например во время злополучного рейда рыцарского воинства в Уэльс, или когда Гарм впервые встречает Хризофилакса где-то на севере, за Стоячими Камнями (Standing Stones – здесь Профессор, несомненно, имеет в виду мегалитический комплекс Rollright Stones, действительно расположенный на север от Оксфорда, у деревушки Чиппинг Нортон¹). Далее, по мере приближения дракона к Хэму, топография новеллы становится более конкретной и точной. Первым от варварского поведения Хризофилакса страдает Оукли (Дубравушка), находящаяся приблизительно в восьми милях от Хэма (Тэйма). Дракон съедает не только множество коров,

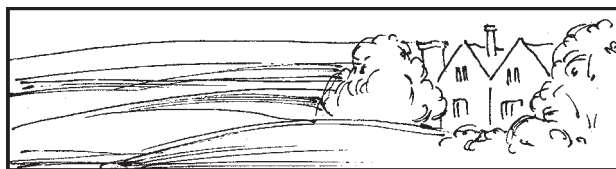

овец и парочку подростков, но и даже местного пастора, слишком энергично пытавшегося наставить Хризофилакса на путь добродетели (впрочем, несколько позднее Хризофилакс отмечает тот факт, что пастор был довольно жестковат).

Далее после описания таких бурных событий, как поражение Хризофилакса от руки Джайлса, приезд двора его величества, пленение дракона и т.п., Толкин упоминает другую реально существующую оксфордширскую деревню, Вормингхолл, объясняя происхождение этого топонима как вьюгарный перевод латинского *Aula Draconaria* – «Чертог Драконария».

Большое и Малое Подлесье (*Wootton Major* and *Wootton Minor*), основное место действия «Кузнеца из Большого Подлесья», могут быть идентифицированы как два Вуттона, расположенные в северной и юго-восточной части Оксфорда, иногда называемые в атласах «Upper» и «Lower» Вуттон. Однако позвольте мне поведать об этом во второй части...

Часть 2. Путешествие в *Fairy Land of Wootton Major*.

Когда-то, не слишком давно для тех, у кого долгая память и не слишком далеко для тех, у кого длинные ноги, была деревня, звавшаяся Вуттон. «Кузнец из Большого Подлесья»

Отталкиваясь от логического предположения, что расположенный к северу от Оксфорда «Upper» (Верхний) Вуттон, более крупный, чем расположенный на юго-западе «Lower» Вуттон, и есть, собственно говоря, толкиновский *Wootton Major*, мы (т.е. я и гостивший у меня московский друг Эльве) решили всенепременно посетить его. Действительно, Вуттон расположен не очень далеко для тех, у кого «длинные ноги», - чтобы дойти до «historical village of Wootton» (как сообщает один из дорожных знаков около поворота к деревне) от центра Оксфорда потребовалось бы что-то около двух часов. Впрочем, не обязательно идти пешком: на вокзале Глостер Грин в Оксфорде можно сесть на 20-ый автобус и, доехав до Старого Вудстока, идти оттуда пешком мило или две.

«Это была примечательная в своем роде деревня», пишет Профессор. В те легендарные времена Вуттон «процветал, будучи заселен изрядным количеством жителей». Находящийся на возвышающемся в центре долины холме, вокруг которого делает излучину небольшая чистая речка, вдали от центральной трассы, практически незаметный с дороги из-за своего расположения, Вуттон действительно довольно примечателен. Как и многие другие английские деревни, Вуттон был основан еще в до-норманнский период и может похвастаться практически тысячелетней историей. В дополнение к другим архитектурным памятникам там находится позднесредневековая церковь и недавно построенный *village hall* (где, по-видимому, и могло происходить Празднество Хороших Детей :). Начиная с XVII века, ректорами Вуттона были представители оксфордского Нового колледжа. Кроме того, там даже есть коттедж, называющийся «Ривенделл», с большим изображением Гэндальфа на заборе; к сожалению, владельца коттеджа не было дома, и никто не ответил на наш звонок (бьюсь об заклад, что владелец «Ривенделла» объяснил бы нам все тайны Вуттона). Увы...

Согласно тексту новеллы, границы между реальностью и Волшебной страной Фэйри должны были проходить где-то неподалеку от Вуттона. Тем не менее, наши попытки обнаружить ее не увенчались успехом. По дороге назад в Оксфорд мы подобрали несколько загадочно выглядящих

белых цветов. Только вернувшись, мы вспомнили, что Кузнец вернулся из Фэйри с белым цветком, дарованным ему Королевой Волшебной страны...

Часть 3. Странствия по землям Малого Королевства.

Используя имеющиеся у нас скудные сведения, достаточно сложно определить как временные, так и пространственные границы Малого Королевства. Дж.Р.Р.Толкин «Фермер Джайлс из Хэма»

Решение посетить земли Малого Королевства, благо, находящиеся неподалеку от Оксфорда, зрело у меня еще с самого приезда в сей город, однако воплотить его удалось значительно позднее, в один из редких для Англии солнечных июньских дней. Итак, раннее утро застало меня и еще одну любительницу Толкина по имени Линда стоящими на северном кольце дороги А-34, *levelling our thumbs with a calm calculus of reason* в надежде застопить какую-нибудь из машин, едущих в сторону Хэма, столицы толкиновского Малого Королевства, ныне небольшой деревеньки под названием Тэйм. Сменив две-три машины, мы решили посетить сначала другое место, где происходит действие «Фермера», деревню Оукли (любопытно, что один из драйверов, услышав, что мы собираемся посетить Оукли и Вормингхалл, понимающе сказал: «А, так вы толкинисты...»).

Английское название Oakley, являющееся, по мнению Профессора, не более, чем вульгаризированным вариантом латинского Кверцетум, происходит от англ. «oak» и может быть переведено на не менее вульгарный русский как «Дубравушка». “Истинное” (опять же по мнению Профессора) название деревни Quercetum происходит от лат. “quercus” (“дуб”) и означает на латыни то же самое, что и Оукли. Как уже упоминалось, в Оукли Хризофилаксом были съедены не только овцы, коровы и парочка «лиц нежного возраста», но и пастор, о котором, впрочем, Хризофилак несколько позднее отзывается как о достаточно жестком и малопитательном субъекте (помню, мы даже пытались разыскать местного священника, чтобы удостовериться, настолько ли он жесткий и худощавый, как и его съеденный драконом предшественник). Можно также смело утверждать, что Хризофилак не выполнил данного им жителям Хэма обещания построить священнику «благородную гробницу-кенотаф».

На настоящий момент Оукли представляет собой небольшую деревеньку, состоящую из пары сотен уютных английских коттеджей, с весьма достойным архаичным пабом (!) и позднесредневековой церковью (заглянув в книгу посетителей, вы сможете найти там замечания автора этих строк, а также многих английских толкинистов, посетивших деревню во время празднования столетия со дня рождения Профессора). In general, I found it to be quite worth visiting (especially pub).

Осмотрев Оукли, а также изучив имеющийся у нас дорожный атлас, мы направились пешком в Вормингхолл (ок. 3 миль, т.е. полчаса быстрой ходьбы). Профессор сообщает, что Вормингхолл возник как поселение драконариев (т.е. специальной гвардии, охранявшей Хризофилакса), построенное в четырех милях к северо-западу от Тэйма, на том самом месте, где некогда впервые повстречались Джайлс и Хризофилак. Само название Worminghall, опять-таки являющееся, по словам Профессора, просторечным вариантом латинского Аула Драконария (Aula Draconaria - «Чертог Драконария»), возникло от одного из титулов Джайлса (Эгидиус Драконариус, или в

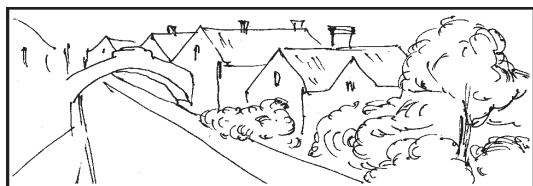
просторечной форме Old Giles Worming), а также от его королевского стандарта с изображением дракона.

Толкин замечает также, что в нынешнее время эта королевская резиденция «утратила свою белую гордость». Увы, в чем-то он прав: ни следов пребывания там Хризофилакса, ни строений, некогда принадлежавших драконариям, нам обнаружить не удалось. Вследствие чего, переждав кратковременный дождь под каким-то навесом и застопив очередного сельского водителя, мы направили наши стопы далее, к столице джайлсовского королевства, Хэму.

Ситуация с этимологией топонима Хэм/Тэйм представляется еще более запутанной. Как явствует из текста, топоним Thame возник как просторечная смесь из терминов Ham и Thame, являющихся частицами двух титулов Джайлса: Lord of Tame [Worm] (Властитель Прирученного Дракона) и Lord of Ham (Властитель Хэма). Современный Тэйм и впрямь кажется достаточно крупной деревней или даже скорее поселком городского типа, с множеством магазинов, питейных заведений, примечательных средневековых зданий и церквушек.

Однако одним из наиболее интересных мест, дорогих сердцу каждого любителя Толкина, является, несомненно, мост, на котором произошла легендарная Битва на Мосту между Джайлсом и тогдашним королем Срединного Королевства, закончившаяся бесславным поражением последнего (тем не менее, как известно, Джайлс и далее продолжал выплачивать королю символическую дань в виде шести коровьих хвостов и пинты горького эля). Сам мост расположен недалеко от центра по дороге, ведущей в сторону Оксфорда. Посидев на его перилах, в размышлениях о том, легко ли было Хризофилаксу поместиться под его сводом, а также относительно бренности всего земного, мы направили свои хитч-хайкерские стопы в сторону вышеупомянутой колыбели учености.

Часть 4. Толкинистские места Оксфорда (опыт путебожителя).

«Во всем мире, несомненно, нет другого такого места, как Оксфорд; это просто отчаяние – видеть этот город и покидать его».

Н. Готорн

Несмотря на традиционный британский консерватизм, согласно которому писатель может считаться представителем классической литературы только в том случае, если он жил и творил где-нибудь в середине прошлого столетия и оставил после себя литературное наследие размером с многотомное собрание сочинений Диккенса, отношение к Толкину в Оксфорде очень почтительное и благоговейное. На факультете Английского Языка и Литературы Оксфордского университета существует даже специальная именная должность, называемая «J.R.R. Tolkien Professor of English Literature and Language» – честь, которой удостоиваются только самые выдающиеся преподаватели университета.

Влияние Оксфорда и его атмосферы на «средиземную реальность» более, чем неопределимо: если бы не этот величественный средневековый город с его готическими башнями и церквями, колледжами и пабами, волшебными «гэндальфскими» фейерверками, зелеными лужайками и вечно благоухающими цветами, – кто знает, появилось ли бы Средиземье вообще? Все в этом городе незримо связано с личностью Профессора – дома, в которых он жил, колледжи, в которых он учился и преподавал, поросшие асфоделиями и нарциссами лужайки, на которых он отдыхал, думая об очередном произведении, улицы, по которым он ходил и многое другое. Из всего вышеперечисленного можно выделить несколько особенно примечательных мест.

Во-первых, два прекрасных позднесредневековых колледжа Мертон и Экзетер, в одном из которых Профессор учился, а в другом – преподавал. В Мертоне до сих пор показывают его рабочий кабинет, с видом на Christ Church Meadow, а также рассказывают многочисленные предания о влиянии Мертонна на творчество Профессора. Так, к примеру, местные студенты говорят, что Энты и Старый Вяз были списаны Профессором с деревьев в Merton Fellows' Garden. Справедливость этого утверждения подтвердить столь же сложно, как и опровергнуть. Как это ни парадоксально, но в Мертоне нет ни одной мемориальной доски, посвященной Профессору. Говорят, что подобная холодность объясняется тем, что Толкин не оставил своему Колледжу ни одной своей рукописи (Вспоминается история, рассказанная мне хорошим другом Профессора, доктором Р.Хайфилдом, о рукописи «Сильмариллиона», по ошибке подаренной Толкином колледжу, но... это сюжет для отдельного рассказа). К сожалению, комнаты в Экзетере, где жил Толкин в свою студенческую эпоху, более не существует; тем не менее, можно приблизительно представить, какой пейзаж открывался глазам молодого филолога каждое утро. Во-вторых, находящаяся на Вудсток Роуд церковь св. Алоизия, любимая церковь Профессора, куда он ходил на воскресные службы. В-третьих, дом на Northmoor Road, где Профессор жил довольно длительное время уже в статусе оксфордского преподавателя и где написал большую часть своих произведений (по вечерам, когда Оксфорд укутывает тьма, мой велосипед часто везет меня туда, к светящимся окнам дома Профессора (кто сейчас живет там?) – мне все кажется, что вот-вот скрипнет дверь и из дверей выйдет бывший владелец дома и пригласит меня на чашку чая... но чудес, увы, не бывает).

Особый интерес представляют собой два любимых Профессором паба: Eagle and Child (Орел и Ребенок), ласково называемый местными обитателями the Bird and the Baby (Птичка и Крошка) и Lamb and Flag (Теленок и Флаг). Оба паба отличаются прекрасной атмосферой, умеренными по английским стандартам ценами и старинным интерьером. Особенно примечателен, несомненно, первый из них – именно в «Птичке и Крошке» происходили заседания сообщества Инклингов, включавшего в себя таких выдающихся писателей, как К.С.Льюис, Ч.Вильямс и сам Толкин, именно здесь Профессором и его коллегами выпивались бесчисленные пинты крепкого яблочного сидра, именно здесь, в центральной комнате паба, висит портрет Профессора. Не менее интересен также знаменитый паб Trout Inn. На входе вас встретит цитата из первой части «Властелина колец» - этот паб частенько посещался Профессором и К.С.Льюисом. В окрестности Trout Inn водил в свое время маленькую Алису и ее подружек Л.Кэрролл.

И, наконец, закончить нашу экскурсию в мир толкиновско-оксфордширского универсума следует посещением того, что Моррисон называл severed garden – сад расставанья – Вулверкотское кладбище (Wolvercote cemetery) в северной части Оксфорда, где Профессор и его жена после долгих лет совместной жизни обрели свой Валинор. Добраться туда можно пешком по Бэнбери или Вудсток Роуд, свернув на Файв Майл Драйв (ок.40 минут). Само кладбище довольно велико, но вы не заблудитесь, так как к могиле Профессора ведут указатели “J.R.R.Tolkien, Author”. На простенькой базальтовой могиле написано два имени: Edith Mary Tolkien и чуть ниже Luthien, John Ronald Reuel Tolkien, чуть ниже – Beren. Of their lives was made the Lay of Leithian, Release from Bondage, which is the longest save one of the songs concerning the world of old; but here the tale is told in fewer words and without song.

We still remember we who dwell
In this far land beneath the trees
The starlight of the western seas...

Примечания:

¹ Автор выражает глубокую благодарность за данную информацию Маше Артамоновой, секретарю Оксфордского клуба толкинистов «Taruithorn».

Всем известный текст «Род Эльроса», как известно, описывает правящую линию дома Эльроса, лишь изредка давая информацию о боковых ветвях генеалогического древа — в тех случаях, когда эти боковые ветви пересекаются с линией наследования.

Одно из таких пересечений описывается так:

«Он [Ар-Гимильзор] взял в жены Инзильбет, происходящую от Тар-Калмакия; [...] ее матерью была Линдorie из рода владык Андуние» (XXIII; стр. 223).¹

Однако, кроме него, существуют некие «генеалогические таблицы», упоминаемые Кристофером Толкином (в частности, в комментариях к изданию «Дома Эльроса») в «Неоконченных преданиях»; увы, они по сей день остаются неопубликованными.

Настоящая работа рассматривает маленький фрагмент информации, содержащейся в этих таблицах и ставший доступным благодаря тому, что Кристофер Толкин в 12-м примечании к «Роду Эльроса» написал следующее:

«В двух генеалогических таблицах ее [Инзильбет] отцом назван Гимильгазар, второй сын Тар-Калмакия, родившийся в 2630 году, но это совершенно невозможно: Инзильбет должна была происходить от Тар-Калмакия в более позднем поколении». (стр. 227)

Как нетрудно догадаться, я (равно как и, рискну предположить, подавляющее большинство читателей) упомянутых таблиц в глаза не видел. Однако «за неимением гербовой бумаги пишу на простой», работать приходится с той информацией, которая есть в наличии — и утешаться тем, что в упомянутых таблицах указаны годы рождения и мои построения можно сверить с первоисточником.

Засим приступим к работе: возьмем лист бумаги и изобразим на нем генеалогическое древо последних поколений рода Эльроса: от «развилки», начинающейся с Тар-Калмакия, до брака Ар-Гимильзора и Инзильбет (см. рис. 1).

Полученная картинка, действительно, вызывает желание что-нибудь исправить: действительно, муж Инзильбет, по счету поколений, годится ей в правнуки — разрыв, даже с учетом долголетия нуменорцев вообще и еще большего долголетия Андунийской линии, великоват... и так и тянет списать образовавшийся разрыв на банальную невнимательность.

Однако не все так просто, как хочет казаться.

Во-первых, ошибка должна присутствовать не в одной таблице (как говорится, с кем не бывает...), но в двух; памятуя о привычке Профессора по прошествии времени делать новые «версии» своих работ, кажется вероятным, что между таблицами должен быть некий (и, вполне вероятно, немалый) временной интервал, а в этом случае повторение ошибки — штука маловероятная.

Во-вторых, наши знания о родственных связях Инзильбет упомянутым фрагментом не исчерпываются:

«Линдорие, мать его [Тар-Палантира] матери [т.е. Инзильбет], была из рода тамошних владык — сестра Эарендура, пятнадцатого владыки Андуние, приходившегося дедом Хумендилю, бывшего владыкой Андуние во дни Тар-Палантира, своего двоюродного брата...» (XXIV; стр. 223. См. рис. 2).

Как можно видеть, схема усложняется, а ошибка кажется еще менее вероятной: теперь не только муж Инзильбет годится ей в правнуки, но и ее племянник, Нумендил, годится своему двоюродному брату в прадеды.

Как известно, если один раз — случайность, а два и тем более три и более раз — уже система. Попробуем в ней разобраться и все же выяснить: действительно ли Профессор механически копировал единожды допущенную ошибку или существует вариант, при котором описываемая картина все-таки возможна.

Первое. Обе вышеприведенные схемы исходят из предположения, что Гимильгазар и Линдорие принадлежали к одному поколению, что из наличной информации не следует; ничто не мешает предположить, что Линдорие была намного моложе Гимильгазара и родилась (примерно) в 2710 г.²

Второе. Ничто не заставляет нас считать, что на момент рождения Инзильбет Линдорие была юной (пусть даже по андунийским стандартам) девушкой, а не зрелой дамой. Можно допустить, что Инзильбет родилась (примерно) в 2860 году; Гимильгазару на тот момент 230, а Линдорие 150 лет.

Предлагаемую цифру возраста Гимильгазара-отца стоит обосновать подробнее.

Известно, что срок жизни представителей дома Эльроса, хотя изрядно уменьшившийся, даже в правой линии исчислялся веками: отец Гимильгазара прожил 309 лет, брат — 281 год, племянник — 253 («Род Эльроса», XVIII, XIX и XX соотв.; все — стр. 222). Памятуя также о том, что нуменорцы «достигнув расцвета, старились [...] намного медленнее» («Род Эльроса», примечание 1, стр. 225; Кристофер Толкин пересказывает заметки Профессора), в том, что некий представитель рода Эльроса стал отцом в 230 лет, нет ничего невозможного.

Третье. Исходя из предложенных цифр, разница в возрасте между Инзильбет и Ар-Гимильзором оказывается вековой; дети же ее рождаются, когда ей, соответственно, 175 лет и 184 года. Цифры могут показаться великоватыми; однако не стоит забывать и о том, что «*между королем и королевой было мало любви*»³ (XXIII, стр. 223), и о том, что Инзильбет вполне могла «унаследовать долгую жизнь с материнской [т.е. андунийской] стороны»; напомяну, что на третьем (после Инзильбет и ее неизвестного по имени двоюродного брата) поколении Элендиль в триста двадцать два года оставался не только дееспособным правителем, но и не последним бойцом в объединенной армии эльфов и нуменорцев-изгнанников.

Ergo: как показано выше, ситуация, показанная в упомянутых Кристофером Толкином генеалогических таблицах, вполне возможна; фактически, все, что требуется для ее реализации — два подряд поздних брака с поздним же рождением детей, в чем нет ничего невозможного.

Участок генеалогического древа, учитывающий предложенные даты и долгожительство андунийцев, показан на рисунке 3.

Право сказать «Вот видите! Профессор всегда прав!» автор предоставляет читателю :)

Примечания:

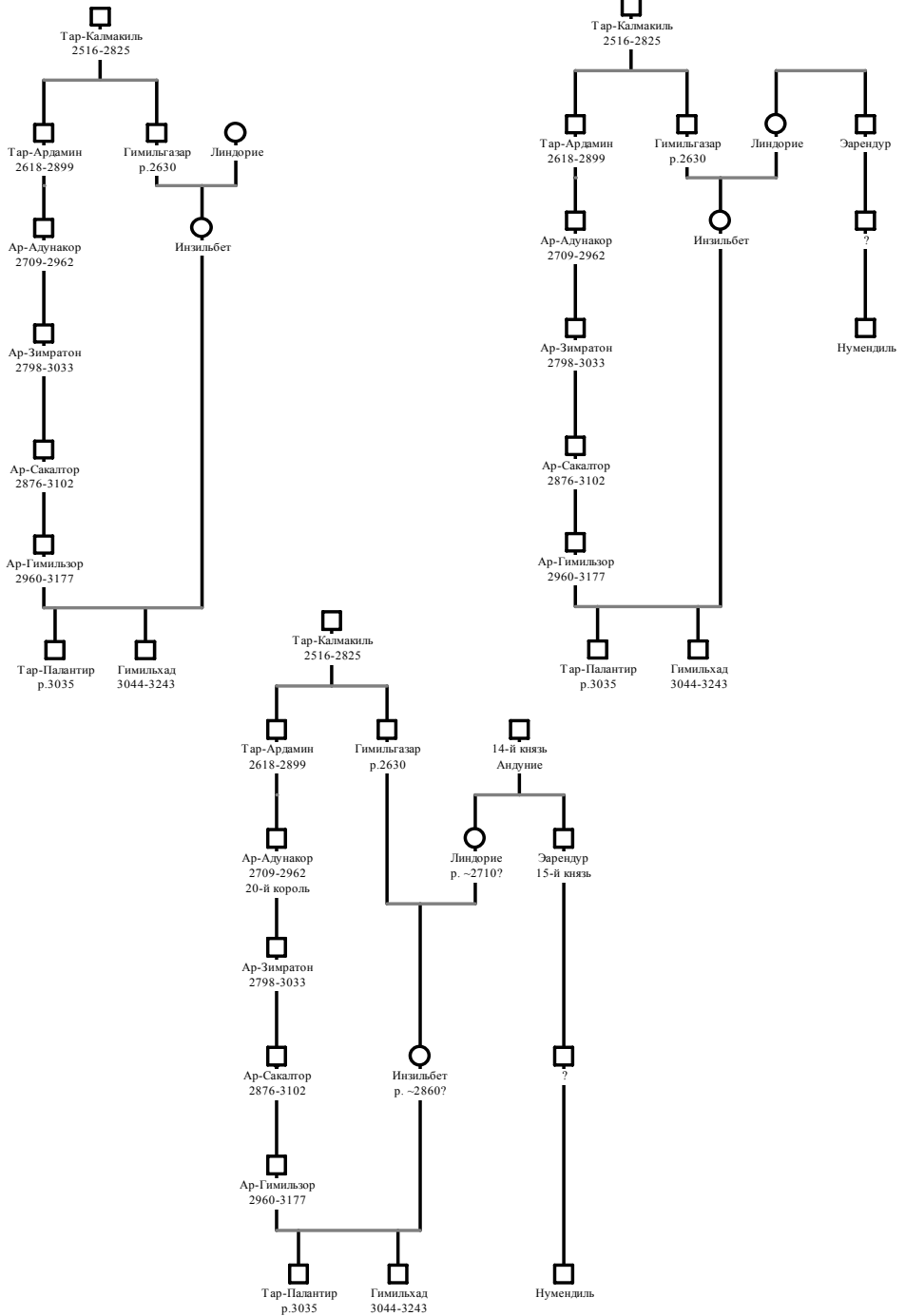
¹ Все цитаты приводятся по изданию «Неоконченные предания Нуменора и Средиземья», 2002 г.; перевод «Рода Эльроса» В. Солововой. Нумерация страниц, естественно, по нему же.

² Это дает семидесятилетнюю разницу в возрасте; такая же была между Тар-Алдарионом и Эрендис («Алдарион и Эрендис» // «Неоконченные сказания...», стр. 222).

³ Это место допускает, что брак мог быть заключен по дипломатическому расчету, а не по любви, и что разница в возрасте не была определяющей — лишь бы невеста была способна дать жизнь наследнику...

Дэвиг Даган

Tolkien in Translation, edited by Thomas Honegger. Zurich: Walking Tree Publishers, 2003. 152 pp. €23.50 (trade paperback) ISBN 3952142468. Cormarгл Series no. 4.

Translating Tolkien: Text and Film, edited by Thomas Honegger. Zurich: Walking Tree Publishers, 2004. 243 pp. •23.50 (trade paperback) ISBN 3952142492. Cormarгл Series no. 6.

(Перевод Аллы Хананашвили¹)

*Traduttore traditore*², говорят итальянцы; или, выражаясь понятнее, в некотором роде перевод – это вынужденное предательство. А если и не вполне предательство, то обман, хотя и обман, соучастником которого является сам читатель: текст замаскирован так, будто принадлежит к иной культуре и языковой среде, отличным от исходных. Тут есть и подводные камни: например, при передаче речи французского аристократа девятнадцатого века подчас трудно избежать двух крайностей – не заставить ее звучать ни на манер грубоватого английского сквайра, ни с фальшивым гринвич-вилладжским акцентом (последнее наиболее актуально при переводе Пруста). Переводчики Байрона на иностранные языки склонны приглаживать его стиль. Ну и так далее.

Это вопрос адаптации, т.е. переноса произведения из той формы, в которой оно было создано, в другую. Обычно книга переделывается в один из видов пьесы, как в случае, когда Чайковский берет ироничную повесть Пушкина «Пиковая дама» и превращает ее в мелодраматическую трагическую оперу в четырех действиях, которая является выдающимся произведением искусства сама по себе. Нас, пуристов, это может весьма раздражать, как, например, раздражала Бориса Стругацкого киноверсия Андрея Тарковского «Соляриса» Лема; опять же гениальное произведение искусства, в котором, однако, от Тарковского намного больше, чем от Лема. Если перевод – это предательство или обман, то он, по крайней мере, вынужденный и куда как меньший, чем подобные адаптации. Как писал Толкин по поводу инсценировки А. А. Милна «Ветра в ивах»: «чуткий поклонник книги (в отличие от страстного поклонника), никогда и попытаться не стал бы ее инсценировать»³. О чем он по доброте душевной умолчал, так это о том, что адаптация подчас граничит с присвоением чужой собственности.

На самом деле Толкин представляет собой исключительный случай, по крайней мере, в отношении перевода. Во-первых, его творчество столь неразрывно связано с Англией и английским языком, что при любой попытке представить его другой культуре неизбежно возникнут серьезные трудности, даже когда эта культура настолько близка, как американская, где, например, в «The Last Homely House» («Последний Домашний Приют») просматривается негативный подтекст, который не сразу пришел бы в голову британским читателям⁴. По мере того, как проходит все больше времени с момента написания романа, затрудняется и восприятие некоторых реалий, поэтому даже британская молодежь вероятно поразилась бы сноске,

объясняющей, что когда «Властелин Колец» был впервые издан, монета «фартинг» (1/4 пенса) еще не вышла из обращения. При переводе на другие языки, вероятность недопонимания и неверного истолкования многократно умножается. Например, название “Shire” создало проблему задолго до того, как его попытались сделать копирайтным⁵. У него нет ни одного точного соответствия в других языках, а приблизительно похожие слова, как, например, немецкое “Gau”, имеют нежелательные исторические ассоциации – в данном случае это слово использовали нацисты. Что еще хуже, в русском языке нет даже точного аналога слова “Lord”, не говоря уж о “Shire”, “Farthing” или других подобных терминах (также в русском языке слово «нога» может означать как саму ногу, так и ступню, откуда и взялись шерстоногие хоббиты на многих российских иллюстрациях). Вдобавок, имеются еще и псевдопереводы со Всеобщего наречия, и их как-то надо отражать в «настоящем» переводе. Так что переложение Толкина на другой язык имеет множество специфических подводных камней, помимо тех, с которыми обычно сталкиваются переводчики.

Первый том данного издания начинается с рассмотрения более общих проблем, возникающих при переводе Толкина, о них идет речь в статье Аллана Тёрнера «Теоретическая модель критики переводов Толкина». Это название вкупе с использованием таких терминов, как «интерпретационное движение», может запросто отпугнуть множество читателей, не знакомых близко с академической теорией литературы, использующей терминологию, по-видимому, не до конца понятную даже самим авторам. И напрасно, поскольку Аллан Тёрнер не только очень грамотный и (осмелюсь сказать) проницательный ученый – он и пишет абсолютно понятным языком. Помимо прочего, он подчеркивает, как важно переводчику понимать целевую аудиторию, учитывать социальный контекст и всевозможные экономические ограничения. В случае «Властелина Колец» в первую очередь необходимо решить, переводить ли «Приложения» полностью или частично или не переводить вовсе – вопрос, который в немалой степени заботит издателей. Среди других проблем Тёрнер мудро уделяет большое внимание вопросу о том, как справиться с «переводом с вестрона» – как сказано выше, одной из отличительных особенностей «Властелина Колец». Эту проблему рассматривает и Томас Хонеггер во втором томе. В своем исследовании он подробно останавливается на связи вестрона с другими языками, в особенности наречиями Риддермарка и Дейла, которые представлены в оригинале соответственно древнеанглийским (или скорее древнемерсийским) и древнеисландским. Должен ли, к примеру, французский переводчик заставлять рохиррим говорить на средневековой латыни, а гномов – на пикардийском диалекте (Пикардия традиционно является горнодобывающей провинцией Франции)? Хонеггер полагает, что нет. Как он утверждает, использование древнеанглийского и древнеисландского отнюдь не случайно и подразумевает определенный культурный контекст.

Кто-то может не соглашаться. На практике нет ни одной парадигмы перевода Толкина и естественно на некоторых языках существует не по одному переводу как минимум «Властелина Колец», а иногда и других произведений. Обычно это происходит, когда устаревший перевод заменяют более современным, отражающим последние достижения толкинистики, как это случилось с нидерландским, немецким, ивритским и рассматриваемым здесь шведским переводами (нидерландский – пример того, как перевод был попросту исправлен и обновлен тем же самым переводчиком). Однако лидирует по количеству и разнообразию переводов русский язык – случай особый, о котором в первом томе настоящего издания повествует Марк Хукер в сокращенном варианте своей замечательной книги «Толкин русскими глазами» (Walking Tree, 2003). Каждый из русских переводов имеет немало преданных поклонников, расценивающих все другие – как еретические, и что интересно – подобные полемики возникают даже в менее запутанном мире переводов на иврит и немецкий, вокруг которых также кипели страсти и было высказано немало запальчивых отзывов, судя по рассказам во втором томе соответственно Дэнни

Орбах и Райнера Нагеля. Шведский перевод Ольмаркса долгое время считался спорным, если не сказать больше, и Андерс Стенстрем (Берегонд) дает нам экскурс в историю этого и других шведских переводов.

Переводы на другие языки не всегда вызывают подобные страсти, но подчас затрагивают интересные проблемы. Имя Винсента Ферре пользуется заслуженной популярностью среди тех, кто интересуется французской толкинистикой, и в первом томе он вместе с двумя коллегами не только подвергает разнервотому анализу французский перевод, но и дает долгожданный исторический очерк о восприятии Толкина во Франции. В первом томе также Сандра Байона рассматривает социально-экономические речевые характеристики в испанском переводе ("Begging your pardon", *Con la perdyn de usted*). Во втором томе, Райнер Нагель исследует подход к переводу имен и названий на немецкий, а Марк Хукер анализирует ранее почти неизвестный голландский «самиздатовский» перевод. В большинстве статей обсуждаются переводы «Властелина Колец», но Берегонд упоминает и «Хоббита» (*Bilbo = Vimbo!!?*), а Нильс Ивар Агой в первом томе опубликовал статью о переводе «Сильмариллиона» на норвежский. И немного экзотики: первый том также содержит исследование Ардена Смита о переводах на эсперанто, а второй – отчетливо иронические рекомендации Ричарда Стёрча касательно гипотетического перевода на латынь.

Но хватит о переводах. Во втором томе на 119 страницах исследуются различные аспекты не столько переложений Толкина, сколько главным образом одной конкретной инсценировки: фильма Питера Джексона. Отношение к нему меняется в зависимости от позиции автора, но общее итоговое настроение отражено в названии статьи Винсента Ферре: «Толкин вершит наш суд над Питером Джексонем». Ферре в целом доволен постановкой, частично благодаря оскорбительному сравнению Джексона с Бакши, но попутно отмечает и достоинства многих режиссерских решений Джексона (хотя даже он невысокого мнения о музыке Говарда Шора). Энтони Бёрдж и Джессика Бёрк намного резче критикуют Джексона в «Опозоренных героях». Они исследуют экранные трактовки таких главных героев, как Гэндальф, Фарамир и в первую очередь Фродо, и приходят к выводу, что Джексон, вкупе со своими сценаристами, «деморализует и умаляет каждого из толкиновских персонажей», и в этой связи ссылаются на высказывания сценаристов, оправдывавших не только выброшенные сцены с Бомбадиллом, но и кардинальные изменения в характере Фарамира. Точно так же Ойстин Хогст излагает основополагающие принципы экранизации и с сожалением заключает: «даже при том, что Питер Джексон решил экранизировать лишь наиболее важные элементы произведения Толкина, созданная им картина искажает дух оригинала...». Джеймс Даннинг в статье «Профессор и режиссер» менее категоричен («Так оставьте Джексону Джексонovo и Толкину Толкиново»), но все же и он оспаривает множество деталей.

Однако наиболее спорной особенностью экранизации Джексона является использование «эльфийского», особенно фраз, написанных не самим Толкином, а Дэвидом Сало непосредственно для фильма в блестящих, хоть и спорных переводах стихов Толкина на квенья, синдарин, ххузул, черное наречие и древнеанглийский, а также коротенькие стихи на этих языках, фактически сочиненные Сало или, по крайней мере, переведенные им с английских оригиналов, написанных сценаристами Джексона. Большинство этих переводов/домыслов положено на музыку, и детальное исследование Александры Велтен стихотворных саундтреков к кинофильму Питера Джексона «Властелин Колец» подробно разбирает целый вновь созданный пласт вторичного текста и перевода. Чтобы оценить эту главу, не требуются познания в лингвистике, хотя они и не помешают. Велтен доказывает, что процесс этот требует большой изобретательности, но оставляет в стороне вопрос о допустимости подобного подхода в целом.

В общем, насчет вольностей трактовки Джексона мнения разделились. Интересно, однако, обсуждать проблемы адаптации на материале переводов, отчасти потому, что и перевод может

содержать различные отступления от оригинального текста. До некоторой степени это неизбежно, когда речь идет о переводе имен и географических названий: так, например, для русских переводчиков проблематичным оказалось имя “Durin”, поскольку в точной транслитерации оно слишком напоминает «дурня». Переделки другого рода менее простительны. Как известно, Ольмарк, переводя на шведский, имел склонность добавлять ничем не оправданные интерпретации к шведским переводам, а некоторые русские переводчики в этом отношении его даже переплюнули. Например, Муравьев внес мелкие, но по сути принципиальные изменения в перевод главы «Оскверненная Хоббитания»⁸, чтобы подчеркнуть параллели со сталинскими репрессиями 1937-1938 гг. Дальше – больше, Бобьрь вводит абсолютно новые элементы, пресловутый Серебряный Венец, привезенный Пришельцами из-за Моря, который дарит всеведение достаточно подготовленному обладателю или сжигает дотла неподготовленного. Не впадающим в подобные крайности, но достаточно интересным является перевод на иврит, в котором короли Черных нуменорцев становятся “Malchei Ha’arelim” – «Короли Необрезанных»⁹, что проливает неожиданный свет на некоторые обычаи Вестернессе. На данном этапе мы выходим за границы перевода и оказываемся в опасной близости к предательству.

В коротком обзоре нет места для детального анализа каждой статьи. В целом, однако, можно сказать, что все их я прочел с удовольствием, даже если не вполне соглашался с автором. Статьи демонстрируют высокий исследовательский уровень, при этом лишены наукообразного жаргона и остаются чрезвычайно удобочитаемым. Я расцениваю эти два сборника как важный вклад в толкинистику, они прекрасно смотрелись бы на книжной полке каждого, кто всерьез относится к Толкину, впрочем, как и любая продукция данного издательства.

Сентябрь, 2005

Примечания:

¹ Рецензия опубликована в третьем выпуске журнала Tolkien Studies. Переводчик выражает огромную благодарность Дэвиду Дагану и Светлане Лихачевой за помощь при работе над переводом.

² Переводчик – предатель. – Прим. перев.

³ «О волшебных сказках» (Примечание А), пер. С. Лихачевой // Чудовища и критики и другие статьи: перев. с англ. / Дж. Р. Р. Толкин; под ред. Кристофера Толкина. – М.: Elsewhere, 2006. – С. 157. (Дж. Р. Р. Толкин: филологическое наследие) – Прим. перев.

⁴ Для американцев это словов в первую очередь имеет значение «невзрачный, некрасивый». – Прим. перев.

⁵ Такую попытку предприняла киностудия Warner Brothers, но суд отклонил ее претензии. – Прим. перев.

⁶ Просторечное выражение Сэма в конце второй главы первого тома ВК. – Прим. перев.

⁷ Слово “Bilbo” имеет два перевода: «ножные кандалы» и устаревшее значение «испанский клинок», а “Bimbo” на сленге означает «парень, чувак». – Прим. перев.

⁸ В оригинале глава называется The Scouring of the Shire – «Очищение Шира». – Прим. перев.

⁹ Этот вариант существовал в первом издании ивритского перевода Уриэля Офека, вышедшем в 1979-1980 гг. Впоследствии перевод был переделан и отредактирован Рут Леванит (1998 г.). – Прим. перев.

Дэбиг Даган

J.R.R. Tolkien Encyclopedia: Scholarship and Critical Assessment ed. Michael D.C.
Drouot: 774p. Routledge, 2007 ISBN 0415969425
J100.00

Christina Scull and Wayne G. Hammond *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide*

I. *Chronology* 996p. Harper Collins, 2006 ISBN 0261103814
J30.00

II *Reader's Guide* 1256p. Harper Collins, 2006 ISBN
0007149182 J30.00 (both volumes in slipcase: J50.00)

(Перевод Аллы Хананашвили)

Судя по именам авторов, данные работы должны быть исключительно высокого качества, и они действительно оправдывают ожидания. Но нужно предупредить: они не предназначены для новичков, а нацелены на «серьезных» читателей и исследователей. Ни в одной из них не найти «быстрых ответов на основные вопросы», как, скажем, в справочниках Фостера (*Complete Guide to Middle-earth*) или Тайлера (*Tolkien Companion*). Обе анализируемые книги – плод серьезного научного исследования, в них рассматриваются сложные проблемы, не только те, которые Драут определяет как «толкинистика» и «изучение Средиземья», но также биографический и литературный контекст. Между этими книгами много общего: и «Энциклопедия» и «Читательский справочник» состоят из статей, посвященных людям, персонажам книг, заголовкам произведений и широкому диапазону тем, выстроенных в алфавитном порядке. Однако, если статьи в «Читательском справочнике» целиком написаны Кристиной Скалл и Уэйном Хаммондом, то в «Энциклопедии» собраны эссе различных авторов, многие из которых знакомы читателям «Амон-Хена» (Дуглас Андерсон, Хелен Армстронг, Патрик Карри, Колин Дериз, Верлин Флигер, Джон Гарт, Брайен Розбери, Том Шиппи и т.д.), но найдется также и много новых имен. Обе работы охватывают широкий спектр вопросов – он шире в «Энциклопедии», где раскрывается также ряд вполне предсказуемых тем, таких как (перечислена малая их часть) Арагорн, Оден, Барфильд, Беовульф, драконы, Финрод, Инклинги и языки (все они также представлены и в «Читательском справочнике»), именуются очерки о том, как произведения Толкина воспринимаются в различных неанглоговорящих странах, о Воплощении, музыке на толкиновские темы, общественном устройстве, пародиях, Elf-shot (в прагерманском языке термин, означающий внезапную боль) и о многом другом. Одна из полезных статей кратко рассказывает о Толкин Эстейт, в «Читательском справочнике» ссылки на эту организацию рассеяны по всей книге. Особое внимание уделяется

исследовательской работе Толкина и, что менее ожидаемо, фильмам и всевозможным инсценировкам. Поскольку среди авторов присутствует Джон Гарт, не удивительно, что в книгу включены очень информативные статьи не только о событиях Первой мировой войны, но и о ТСБС и его членах. Однако, широта затронутых тем означает, что во многих случаях, когда требуется глубокое их освещение, вместо него имеется лишь краткий обзор (в этом отношении наиболее разочаровывает интересная статья о Борьбе Песен в контексте скандинавских sag). А ценность некоторые статей, типа упоминавшейся выше Elf-shot, вообще весьма сомнительна или они посвящены авторам, не имеющим прямого отношения к Толкину, как например, Дороти Л. Сайерс или Роберт Э. Говард, известный своим «Конаном». Зато как можно обойтись без статьи Тома Шиппи, посвященной Джону Бохану! В «Читательском справочнике» об этих писателях нет отдельных статей, они собраны в общем разделе «Круг чтения Толкина».

В целом статьи «Читательского справочника» более краткие, чем аналогичные в «Энциклопедии», что лишь отчасти объясняется относительно скухими авторскими комментариями: учтены (и снабжены скупыми ссылками на первоисточники) высказывания различных критиков и исследователей, но комментарии самих Скалл и Хаммонда встречаются довольно редко и не отличаются пространностью. На самом деле, большинство тем, охваченных в «Энциклопедии», так же рассматриваются и в «Читательском справочнике», включая исследовательские труды Толкина, фильмы и войну. Сравнительная краткость не означает, что статьи непременно или даже часто короче, чем похожие в «Энциклопедии» – как раз наоборот; например, в «Энциклопедии» есть двухстраничная статья «Брак» и еще одна на полстраницы – «Женщины в произведениях Толкина», в то время как в «Читательском справочнике» единая 16-страничная статья посвящена двум этим темам и раскрываются они в ней намного более всесторонне. Статья включает в себя не только историю Эдит и Толкина и анализ женских персонажей в его произведениях (в том числе Эрендис, о которой нет ни слова в «Энциклопедии»), но также информацию о не раз высказанном им противоречивом отношении к женщинам, браку, разводу и сопутствующим темам. Кроме того, подчас в «Читательском справочнике» можно найти развернутые статьи по вопросам, лишь кратко упомянутым в «Энциклопедии» и не имеющим там самостоятельных глав, например о «Записках клуба “Мнение”» и о Нуменоре. В отличие от «Энциклопедии», «Читательский справочник» не растекается мыслью по древу; в то время как «Энциклопедия» стремится охватить как можно больше материала, «Читательский справочник» старается вникнуть как можно глубже во все тонкости вопроса. Он также отличается чрезвычайной точностью; на протяжении нескольких последних недель я сжился с этой книгой и за все время обнаружил лишь одну вероятную (да и то совершенно незначительную) неточность. Я говорю «сжился», поскольку это именно тот эффект, который производит «Читательский справочник» даже в большей мере, чем «Энциклопедия». Я собираюсь проверить один вопрос и спустя час обнаруживаю себя с головой погруженным в чтение, прослеживающим такие связи, о которых никогда прежде не задумывался. Во многом это происходит благодаря исчерпывающему индексу; индекс в «Энциклопедии» неплох, насколько это возможно,

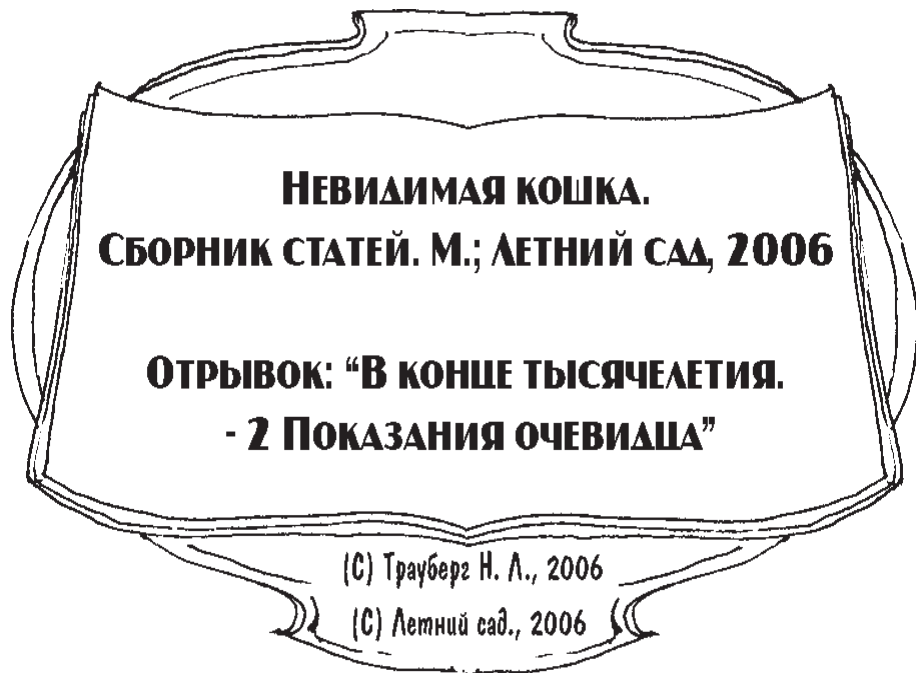
но в книге Хаммонда и Скал нужно очень постараться, чтобы найти такую тему, на которую в нем не отыскалось бы нескольких ссылок. Единственное, чего мне действительно не хватает в «Читательском справочнике» – это колонтитулов, особенно учитывая то, что многие статьи (например, «Оксфорд»), имеют подзаголовки выстроенные также в алфавитном порядке, а шрифт в них практически не отличается от основного. Это может раздражать и путать при попытке сориентироваться в статьях.

Но зато существует Хронология! Ей нет аналогов среди всей прежде изданной толкинианы, это поистине поразительный отчет, в котором жизнь Толкина расписана чуть ли не по дням с поразительной детализацией. Среди других фактов перечисляются все матчи по регби, в которых Толкин участвовал в школе Короля Эдуарда, и указывается, с каким счетом они закончились, а также рассказывается о каждом его посещении колледжа или заседания экзаменационной комиссии (само собой, и об основании Толкиновского общества), можно проследить в хронологическом порядке за написанием его работ, как исследовательских, так и художественных, в контексте не только друг друга, но и других событий его жизни. Эта книга – по-видимому, наиболее информативная и полезная биографическая справка из когда-либо написанных о Толкине. К тому же, все, что было выше сказано о «наркотичности» «Читательского справочника», в равной мере, если не больше, применимо и к «Хронологии».

К сожалению, эти книги отнюдь не дешевы, и не похоже пока, что они будут опубликованы в мягкой обложке. Наиболее одержимые толкинисты (такие, как данный рецензент) захотят приобрести все. Однако, не каждый даже законченный фанат в состоянии позволить себе купить все три тома, так что рекомендации таковы: «Энциклопедия» более академична; ею скорее заинтересуются университеты и их сотрудники. Но «Читательский справочник» также основывается на вполне академической почве, материал в нем изложен подчас намного детальней, и, по-видимому, он удобнее для обычных читателей. И, безусловно, каждый серьезный толкинист обязан стать счастливым обладателем «Хронологии», даже если для этого ему придется неделю поголодать. А затем можно начать копить деньги на «Историю “Хоббита”» Джона Рейтлиффа, и «Детей Хурина».

*Но Ты по-прежнему жив.
Ты сможешь опять,
Царь мой и Бог мой.
К.С.Льюис*

Не очень давно, в 1977 году, “Властелина колец” признали лучшей книгой XX века. Этому уже никто не удивился. Одни на ней помешались, других она раздражала, но всякий знал о её непомерной славе. Успел узнать и автор, умерший в 1973 году. К тому времени эта слава насчитывала лет восемь и пришла из Америки, от подростков и студентов. Толкин ей удивлялся, понимая, что его скрупулёзная, серьёзная, скромная сага не должна вызывать таких восторгов. Может быть, он и огорчился, как неудачливый сеятель. Если бы он “увидел наши игры”, он бы, наверное, заболел. Написано об этой книге столько, что не перескажешь, да и просто не вместишь в информационную заметку. Поэтому коснёмся только трёх тем, тесно связанных друг с другом: каким был Толкин, почему он это писал и что из этого вышло, особенно здесь, в России. Начну я с последней темы, а остальные появятся потом. Делаю я так отчасти потому, что этих сведений нет ни у Карпендера, ни у кого бы то ни было другого (к их счастью, они жили не здесь), отчасти же - потому, что именно тут, у нас, особенно резко проявились многие свойства этой книги, от тех, которые Толкин имел в виду, до тех, на мой взгляд - мнимых, которые бы его огорчили.

Когда Владимир Сергеевич Муравьёв обнаружил неизвестную ему книгу в Иностранной библиотеке, Толкин был ещё жив. Нам В.С. её дал в самом конце то ли 1970-го, то ли 1971-го. Толкин, повторю, умер в 1973, но был отделен от нас той стеной, которую называли занавесом. Если бы не это печальное обстоятельство, он мог бы узнать, что несколько филологов приняли

её не как скрупулезную игру старого вундеркинда, а как неправдоподобно точное описание их жизни. Наверное, он был бы рад.

Конечно, прочитали её не только филологи. Сразу, тогда же, оказалось, что кому-то её привезли, а кто-то даже сам купил. Все это были highbrow (тип "выездного интеллектуала" уже существовал), и кое-кто из них, по слухам, стал Толкина переводить, но переводы куда-то делись. Несомненно, никто не отнесся к книге спокойно, но для тех, о ком я только слышала, она могла быть и ученой игрой. Вспомним, как противостоял культ игры свинцовой серьёзности советских наук (гуманитарных, конечно). Однако я хорошо знала только тех, кто отнесся к ней гораздо серьёзней, в другом смысле слова.

Сергей Яковлевич Серов, Сергей Сергеевич Аверинцев, братья Муравьёвы (Леонид Сергеевич - по рассказам, он английского не знал) увидели в саге Толкина свою тогдашнюю жизнь. Толкин не любил и не писал аллегорий, и мы это ощутили. Для нас его книга была не аллегорией; если как-то это называть, подошло бы слово "миф", очищенное и объясненное именно им и теми его коллегами, которым хотелось передать не поверхность, а суть, смысл, промыслительный узор жизни. Представьте себе без нынешних aberrаций, какими были 70-ые годы. Для тех, кто узнал себя в саге о кольцах - практически невыносимыми. Так мы и читали её, как книгу надежды в безнадежности. Примерно так же мы читали и Честертона, Уильямса, Льюиса, но почти для всех главным был Толкин.

Споры начались тоже сразу, и по ним можно было предсказать, что случится с этой странной книгой, когда он "овладеет массами". Одни увидели в ней апологию смешных и слабых, победу бессильных, полный запрет на мирские средства, воплощённые в кольце. Другие, словно конь в книге Иова, стали издавать воинственные звуки. Поскольку мы всё время играли (надо ли объяснять, в каком смысле?) и совсем не ссорились, это претворилось в спор между сторонниками Сэма и сторонниками Арагорна. Использовали и пару Боромир - Фаромир, но тем, кто заметил апологию слабости и милости, всё-таки больше всех подходил самый ничтожный из хоббитов. Его сторонников поддерживала последняя фраза: огромное, сложное повествование приводит только к тому, чтобы он положил дочку жене на колени. Противников это не убеждало.

Больше пятнадцати лет мы жили как Сэм, бесконечно бредущий через горы. Тем, кто склонялся к воинственности, хотелось уничтожить Голлума, подразумевая, конечно, что мы-то в него никогда не превратились. Спорить об этом не стоило, хотя споры были, и представить их нетрудно - многие и сейчас не понимают, зачем щадить такую мерзкую тварь.

Когда горы кончились и, наверное, уже упало в кратер кольцо, мы то там, то сям читали лекции о Толкине. Было ещё очень холодно и грязно, восьмидесятые годы сменялись девяностыми. Лекции получались странные; особенно возмущала слушающих попытка связать злосчастную сагу с христианством. Все уже знали, что Толкин создал параллельный мир, где Бога нет, тем более - такого странного, как в Библии. То ли по малодушию, то ли по неожиданному здравомыслию я не говорила о том, как целомудренно это мнимое умолчание. Дальнейшая судьба религиозных книг показала, что людям религиозным почему-то ничуть не противно категоричное наизидание. Чего-чего, а этого у Толкина нет.

Доказывать, что он, вошедший в число лучших апологетов века (им посвящён американский ежегодник "Seven") - действительно писатель христианский, совершенно бесполезно. Убеждения такого рода живут не в уме, а в сердце. Помню, один литовский священник говорил, что понять Евангелие - накладно. Если не заглядывать далеко, логичней и выгодней бить плохих и восхищаться хорошими, причисляя к ним себя. Что ж удивляться, когда это видят в саге тихого и набожного католика? Учёные сразу определили, что её герои - переодетые дети, и многие считают, что это - чтение для детей. Толкин, конечно, взрослым не был, если понимать под взрослостью не ответственность и не мудрость, а цинизм. Даже из его жизни намного легче сделать что-то вроде Диккенса, чем одну из бесчисленных книг, открывающих нам, как мы живём

“на самом деле”. Он рано потерял отца, провел детство в бедности, да еще потому, что мать держалась за католичество; потом потерял и мать; потом влюбился совсем уж несообразно, с запретом, разлукой, райской встречей; и, наконец, после всего этого стал педантичным тихим учёным, для которого брак - это брак, а не что-то иное. Прочитать его биографию можно и порусски - уже есть переводы нескольких книг, и тем более по-английски, о нем очень много написано (*). Сейчас скажем одно: Толкин искренне верил, то есть доверял Богу; очень честно видел себя, а значит - был милостив при всем своем острейшем чувстве зла; и, наконец, избежал какой бы то ни было эзотерики. Словом, он - христианин, принявший всерьёз Евангелие. А всякий, принявший Евангелие всерьёз, непременно проповедует, даже если не пишет и молчит. Толкин - и не молчал, и писал длинные книги.

Судьба этих книг похожа на судьбу христианства. Обрадовавшись незрелому миру, который нужен очень многим, в них стали вкладывать или из них стали вычитывать элементы совсем другого мира - беспощадное деление на плохих и хороших, упоение собой и “своими”, взвинченную мистику. Естественно, если так читать, ломается какой-то винтик и “хорошими” с легкостью становятся бывшие “плохие”. Спасибо, если это просто игра, вненравственная забава; но можем ли мы, люди, на этом удержаться? Скорее - нет.

Трудно передать, как жаль неприкаянных и незрелых людей, использующих так нелепо мудрую и неправдоподобно милостивую книгу. Но вспомним историю. Сквозь воинственность и самодовольство всегда пробивается нелогичная жалость к другим и радостное знание своей слабости. А где это есть, есть и надежда, и чудо и помощь, как в евангельской саге Толкина.

(*) Уже собирая книгу, в сентябре 2004, я получила от Стретфорда Колдекотта, возглавляющего европейский отдел Честертоновского института, его новую книгу “Тайное пламя”. По-моему, это - лучшее, что написано о Дж. Р. Толкине. Надеюсь, что её издадут.

Мария Семенухина

**“THE MISTRESS OF VIZION” Ф. ТОМПСОНА
И
“ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ”:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ**

“The Mistress of Vision” (устоявшегося русского аналога у этого названия нет; варианты – «Госпожа мечта», «Владычица грез») – небольшая поэма Фрэнсиса Томпсона, классика английской литературы рубежа 19-20 веков и одного из любимых поэтов молодого Толкина. Хотя в творчестве Толкина можно найти явные интертекстуальные переключки с поэзией Томпсона, а в письмах Толкина упоминается имя Томпсона, почему-то этого автора (в отличие от, например, Дансейни или других подобных) толкинистика обходит практически полным молчанием.

Фрэнсис Генри Томпсон (F.H. Thompson) родился в Ланкашире в 1859 году, в католической семье. Получил медицинское образование, так как отец его был врачом, но к врачебной профессии испытывал стойкую неприязнь, из-за этого поссорился со своим отцом, который был врачом и хотел, чтобы сын унаследовал его профессию. Из-за этой ссоры уехал в Лондон и там три года вел нищенскую жизнь, пробавлялся случайными заработками; даже пристрастился к опиуму; тогда же начал заниматься литературным творчеством. Впервые его произведения увидели свет в католическом журнале *Merry England* в 1888 г.; кроме того, издатель журнала, Уилфрид Мэйнелл, принял участие в судьбе Томпсона, нашел ему жилье, даже пытался вылечить его от наркозависимости. В лице семьи Мэйнеллов Томпсон нашел не просто хороших друзей, но настоящему родственные души, и посвятил Мэйнеллам (в особенности миссис Мэйнелл и их детям) многие стихи. С 1889 по 1896 г. Томпсон опубликовал три тома стихотворений: “Poems”, “Sister Songs” (посвященные дочерям Мэйнелла) и “New Poems” (куда и входит *The Mistress of Vision*); кроме того, он писал эссе на литературные и религиозные темы – самое его знаменитое эссе было посвящено поэзии Шелли. Умер в 1907 году в Лондоне.

Для лирики Томпсона характерны возвышенность стиля, образность, заимствуемая как из романтической традиции, так и из античной мифологии и христианской литературы (Томпсон – по преимуществу католический писатель), философичность, визионерство. При этом судьба самого Томпсона, бедствовавшего и ведшего маргинальный образ жизни, но спасенного благодаря счастливой случайности, сама по себе напоминает литературное произведение.

Русскому читателю имя Томпсона практически неизвестно, и на русский язык его произведения переводились очень редко. Мне известны только перевод нескольких наиболее известных стихотворений Томпсона (в том числе “The Mistress of Vision”) О. Казаковой для издания-бilingвы (СПб., 2004) и публикация перевода знаменитейшего стихотворения Томпсона *The Hound of Heaven* (Небесная гончая) М.Л. Гаспаровым в одномомнике его филологических

трудов. Поэтому в тексте статьи отрывки из произведений Томпсона будут приводиться в оригинале, с подстрочным переводом (фрагменты из Толкина также даются в нашем подстрочном переводе, так как в художественном переводе текст из стилистических соображений нередко подвергается трансформациям и сокращениям).

На наш взгляд, в поэме “The Mistress of Vision” (а также в некоторых других стихотворениях Томпсона) имеется ряд деталей, перекликающихся с «Властелином Колец», в первую очередь с фрагментами, повествующими о Лориене и его владычице Галадриэли. Эти переклички касаются как отдельных слов и словосочетаний, так и идейно-образного содержания. Речь идет, однако, скорее не о целенаправленных заимствованиях, а об аллюзиях, образах, возникших под впечатлением от прочтения прецедентного текста.

С одной стороны, и Томпсон, и Толкин используют один и тот же распространенный архетип. Образ некоего сверхъестественного существа женского пола, наделенного сакральным знанием и тайной мудростью, которое является герою во сне (или встречает его в заколдованном лесу, саду и т.д.) и, подвергая героя испытанию, в награду за успешное прохождение этого испытания наделяет его чудесным даром или делает его причастным своих тайн, известен в литературе с давних пор – можно вспомнить не только рыцарские романы, но и гораздо более древнего «Золотого осла» Апулея, в котором герою, юноше Люцию, наказанному за любопытство и легкомыслие превращением в осла, является во сне богиня Исида и объявляет ему, что срок его наказания миновал и что он теперь может расколдоваться (и потом Люций становится ее жрецом, раскаивается в прежних ошибках и начинает вести чистую и праведную жизнь). Своеобразный вариант реализации этого архетипа – Баба-Яга русских народных сказок. Более того, Томпсон предпосылает разделу своего сборника *The New Poems*, где помещена интересующая нас поэма, озаглавленному *Sight And Insight* (на русский это можно перевести как «Зрение и Прозрение»), эпиграф из ветхозаветной книги «Премудрость Соломона»: “Wisdom is easily seen by them that love her, and is found by them that seek her. To think therefore upon her is perfect understanding” (Мудрость легко видят те, кто любит ее, и находят те, кто ищет ее. И думать о ней – наилучшее понимание) – то есть речь в поэме идет, судя по всему, о том, что в русской традиции называется София Премудрость Божия и что впоследствии стало основным понятием в оригинальной мистической философии Владимира Соловьева, на которую опирались русские младосимволисты. (Немного известно, что Соловьев начал создавать свою философию, будучи на стажировке в Англии, в Кембридже¹). С другой – в разработке этого архетипа обоими авторами есть много общего.

Место действия поэмы Томпсона – некий «тайный сад» (*Secret was the garden*); однако и Лориен оказывается такой же тайной землей, обитатели которой не очень жалуют пришельцев из внешнего мира: *We allow no strangers to spy out the secrets of the Naith*, - заявляет Хранителям их проводник по Лориену, Халдир (Мы не позволяем никаким чужестранцам выведывать тайны Наита (местность в Лориене)). В глубь Лориена Хранители попадают с завязанными глазами. Этому в тексте романа дается вполне логичное объяснение (Халдиру и его товарищам не хочется, чтобы тайны Лориена узнал гном; Гимли, по своему обыкновению, начинает препираться, и в результате приходится завязать глаза всем Хранителям, чтобы никому не было обидно – даже Арагорну и Леголасу, от которых жителям Лориена скрывать нечего). При этом здесь совершенно очевиден момент, связывающий данный эпизод с описанием обряда инициации; завязанные глаза – деталь многих мистериальных культов. *Mine eyes saw not, and I saw*, - говорит персонаж поэмы Томпсона (Глаза мои не видели, а я видел); с одной стороны, это совершенно прозрачная фраза (визионер воспринимает то, что ему является, не обычным зрением, а душевным, внутренним); с другой – это напоминает описание чувств Фродо, который с повязкой на глазах идет по Лориену и у которого обостряются слух и другие чувства, благодаря чему он способен

достаточно точно угадывать окружающий его пейзаж по звукам, запахам и ощущениям (и даже испытывает гораздо более неожиданное и «мистическое» переживание: ему кажется, что он проходит сквозь время): *He could smell the trees and the trodden grass. He could hear many different notes in the rustle of the leaves overhead, the river murmuring away on his right, and the thin clear voices of birds in the sky. He felt the sun upon his face and hands when they passed through an open glade. As soon as he set foot upon the far bank of Silverlode a strange feeling had come upon him that he had stepped over a bridge of time into a corner of Elder days...* (Он мог чувствовать запах деревьев и примятой травы. Он мог слышать множество оттенков в шелесте листьев над головой, журчанье реки где-то по правую руку от него и звонкие чистые голоса птиц в небе. Он чувствовал тепло солнца на своем лице и руках, когда они прошли через поляну. Как только ноги Фродо ступили на тот берег Серебряной реки, у него возникло странное ощущение, что он по мосту времени зашел в какой-то уголок Давних Дней)

Некоторые детали описания «секретного сада» тоже напоминают пейзаж Лориена. Например, и «тайный сад», и «столица» Лориена Карас Галадон окружены зеленой стеной, а воздух их наполнен музыкой и пением (правда, у Томпсона это пение птиц, а у Толкина - голоса эльфов; хотя, впрочем, непонятно, только ли это голоса эльфов или еще чьи-то, потому что обладатели этих голосов невидимы для зрителя):

Thrice three times it was enwalled
With an emerald -
Sealed so asunder.
All its birds in middle air hung a-dream, their music thrall'd.

(Трижды три раза обнесен он был стеной из изумруда, запечатанной со всех сторон. А все птицы висели в воздухе и спали, и их музыка зачаровывала)

Upon the further side there rose to a great height a green wall encircling a green hill thronged with mallorn-trees... No folk could they see, nor hear any feet upon the paths; but there were many voices, about them, and in the air above. Far away up on the hill they could hear the sound of singing falling from on high like soft rain upon leaves. (На той стороне вздымалась на огромную высоту зеленая стена, окружая зеленый холм, поросший маллорнами... Не было видно ни души, не было слышно ничьих шагов по тропам, но и вокруг них, и в воздухе над их головами раздавалось множество голосов. Откуда-то сверху до них доносилось пение, льющесее с высоты, словно легкий дождик по листьям).

Интересно положение и соотношение небесных светил в небе над Лориеном и над «тайным садом».

There was never moon,
Save the white sufficing woman -
Light most heavenly-human...

(Там не было луны – кроме белой женщины, которой для этого было достаточно: света самого небесного и человеческого)

В Лориене же луны не видно; из ночных светил, видимых в Лориене, упоминаются только звезды и планета Венера – то есть Эарендил; причем это связано не с новолунием: примерно в новолуние Хранители только отплывают из Лориена (раз молодой месяц они видят на седьмой день пути по Реке), так что все остальное время пребывания в Лориене луны они видеть (особенно если учесть постоянно ясное небо) теоретически могли (комментаторы это объясняют тем, что Толкин так хотел подчеркнуть «вневременное» существование Лориена; о вневременности речь пойдет далее). С Галадриэлью тоже соотносятся «белизна» и «сияние»: *Soon the white form of the Lady was small and distant. She shone like a window of glass upon a far hill in the westerning sun, or as a remote lake seen from a mountain: a crystal fallen in the lap of the land.* (Вскоре белая фигура Госпожи сделалась маленькой и далекой. Она сияла, как оконное стекло под лучами садящегося

солнца на дальнем холме, или как озеро, на которое смотришь с горы: кристалл, брошенный земле на колени). Зато солнце днем светит в Лориене почти постоянно (*All the while they dwelt there the sun shone clear*). (Пока они были там, солнце светило ярко) «Тайный сад» тоже полностью залит светом солнца – пусть это солнце и выгляди несколько необычно. К тому же у Томпсона солнце «низкое» - а Хранители попадают в Лориен именно зимой, в то время года, когда солнце действительно низко стоит над горизонтом.

The sun which lit that garden wholly,
Low and vibrant visible,
Tempered glory woke...

(Солнце, которое полностью освещало этот сад, низкое и колеблющееся, излучало спокойное сияние)

Интересно, что это солнце сравнивается с *silver thurible* (серебряной кадильницей), которая *solemnly swung, slowly, Fuming clouds of golden fire, for a cloud of incense-smoke* (раскачивалась медленно и торжественно, источая облака золотого огня вместо ладанного дыма). Как видится, эта строка перекликается со строкой из стихотворения Бильбо, которое тот декламирует Фродо еще в Ривенделле: *Of golden mist and silver sun* (О золотом тумане и серебряном солнце): на это указывает не только эпитет «серебряное» применительно к солнцу, но и упоминание рядом с «серебряным солнцем» «золотого тумана» - образ, явно близкий к образу из процитированных строк Томпсона.

Название этого сада – Elenore (что не только напоминает анаграмму слова «Лориен», но и созвучно слову «Валинор»). Кроме того, это место имеет и иное название – Luthany (*In the land of Luthany, and the tracts of Elenore*) (В земле Лутани, на дорогах Эленора): слово Luthany встречается в черновых набросках Толкина к «Сильмариллиону», вошедших в четвертый том *The History of the Middle-Earth*; там оно фигурирует как синоним топонима «Англия», «Британия» и как вариант для слов Luthien, Leithian (как явствует из текстов самого Толкина, в этих словах фоносемантика предшествовала этимологизации: так, Luthien в разное время осмыслялось Толкином как топоним, мужское имя² и, наконец (в «каноническом» варианте), имя одного из ключевых женских персонажей толкиновского легендария; далеко не всегда оно было связано именно с тем персонажем, с которым мы привыкли его соотносить).

Этот сад существует благодаря чарам Госпожи, *The Lady of fair weeping* (Госпожи прекрасного плача), причем эти чары заключаются в *пении-плаче*. Как залог существования Лориена – сила, заключенная в Кольце Воды, хранительницей которого является Галадриэль³, так залог существования этого тайного сада – сама его Госпожа:

The lily kept its gleaming,
In her tears (divine conservers!)
Washed with sad art;
And the flowers of dreaming
Paled not their fervours,
For her blood flowed through their nervures;

And the roses were most red, for she dipt them in her heart.

(Лилии сохраняли свой блеск, омытые печальным искусством в ее предохранительных божественных слезах, и цветы сна не теряли своего жара, ибо в их сосудах струилась ее кровь; и розы были краснее красного, ибо она погрузила их в свое сердце)

Интересно также, что у Томпсона заявлен мотив, ключевой для всей космогонии мира Толкина – *сотворения мира через пение, музыку*:

And with her magic singing kept she –
Mystical in music –
That garden of enchanting
In visionary May.

(И своим волшебным пением сохраняла она – в мистической музыке – этот чарующий сад в вечном сновиденном мае).

Песня-плач Галадриэли (*Ai laurie lantar*) – это последнее, что слышат Хранители, уплывая из Лориена.

Герой Томпсона, хотя передает содержание тех песен, что поет ему Госпожа, достаточно детально, однако признается почти в самом конце поэмы, что эти песни, по сути дела, ... без слов (они не более членораздельны, чем звуки природы), но их смысл он постиг благодаря душевному прозрению. Галадриэль тоже поет свою песню на непонятном для большинства Хранителей языке – однако Фродо запоминает эти непонятные для него слова и потом даже переводит их «как умеет».

Her voice had no word,
More than thunder or the bird.
Yet, unforgetting,
The ravished soul her meanings knew. Mine ears heard not, and I heard.

(У ее голоса не было слов – не более, чем у грома или птицы. Но восхищенная и забывающая душа понимала, о чем та говорит. Уши мои не слышали, но я слышал).

Ср.: ... *and far but piercing-clear on the following wind came the sound of her [Galadriel's] voice singing. But now she sang in the ancient tongue of the Elves beyond the Sea, and he [Frodo] did not understand the words... Yet as it is the way of Elvish words, they remained graven in his memory, and long afterwards he interpreted them, as well as he could: the language was that of Elven-song and spoke of things little known on Middle-earth.* (... и с попутным ветром прилетел звук ее поющего голоса, далекий, но пронзительно-чистый. Но теперь она пела на древнем языке Эльфов, живущих за Морем, и слов Фродо не понимал... Но эльфийские слова врезались в его память – как это с ними обычно бывает, и спустя долгое время он перевел их, как умел: это был язык эльфийских песен, и речь там шла о вещах, мало известных в Средиземье)

Впрочем, *the language of Elven-song* можно понять и как «язык эльфийской поэзии», «эльфийский поэтический язык» - что, возможно, истически или даже по происхождению (ситуация диглоссима илиичаются, и эльфы в этоости и как “садящегося солнца на дальне объясняет, почему Фродо, немного говорящий на эльфийском, не понял, «про что песня», как говорят музыканты: в некоторых древних и средневековых культурах поэтический и бытовой языки сильно различаются, стилистически или даже по происхождению (ситуация т.н. диглоссии), и эльфы в этом отношении, с точки зрения Толкина, видимо, не исключение.

Галадриэль в своей песне-плаче говорит (обращаясь, как считают комментаторы, к Фродо): *Nai hiruvalie Valimar* – то есть «возможно, ты найдешь Валимар». Госпожа же призывает героя к поиску Лутани-Эленор: *Pass the gates of Luthany, tread the region Elenore* (Войди в ворота Лутани, ступи на землю Эленора).

Where is the land of Luthany,
Where is the tract of Elenore?
I am bound therefor,

- произносит как рефрен герой Томпсона («Где же земля Лутани, где дорога в Эленор? Я с тех пор как пленник»): эта страна, Лутани-Эленор, является ему только во сне, но как ее найти в реальности – неизвестно.

Герой Томпсона, видимо, так и не находит свой Эленор – Хранители больше не возвращаются в Лориен, который успели полюбить и расставание с которым для них так тяжело.

И Галадриэль, и Госпожа устраивают героям испытание, глядя на них и заглядывая им в душу; это испытание оказывается и для героя Томпсона, и для некоторых Хранителей очень тяжелым – правда, обсуждение этого переживания хоббитами выглядит почти бурлескно (Пиппин, например, подозревает Сэма в пагубном замысле...кражи одеяла).

But woe's me, and woe's me,
For the secrets of her eyes!
In my visions fearfully
They are ever shown to be
As fringed pools, whereof each lies
Pallid-dark beneath the skies
Of a night that is
But one bleak necropolis...

(Но горе мне, горе от тайн ее глаз! В моих видениях они все время кажутся страшными водоемами, которые окаймлены ресницами, и оба они бледно-темны под небом ночи, которая вся – один затуманенный некрополь...)

And with that word she held them with her eyes, and in silence looked searchingly at each of them in turn. No one save Legolas and Aragorn could long endure her glance.

...”Why did you blush for, Sam?” said Pippin. “You soon broke down. Anyone would have thought you had a guilty conscience. I hope it was nothing worse than a wicked plot to steal one of my blankets”

“I never thought no such thing”, answered Sam, in no mood for jest.”If you want to know, I felt as if I hadn't got nothing on, and I didn't like it. She seemed to be looking inside me and asking me what I would do if she gave me the chance of flying back home to the Shire...”

...”To me it seemed exceedingly strange”, said Boromir.”Maybe it was only a test, and she thought to read our thoughts for her own good purpose: but almost I should have said that she was tempting us...”

(И с этими словами она пристально взглянула на них, и в молчании испытующе посмотрела на каждого по очереди. Никто, кроме Леголаса и Арагорна, не смог вынести ее взора.

«... Отчего ты покраснел, Сэм? - спросил Пиппин. – Ты быстро сломался. Можно было бы подумать, что твоя совесть нечиста. Надеюсь, у тебя на совести нечто не более страшное, чем злой умысел похитить одно из моих одеял»

«Ничего такого я не думал, - ответил Сэм, нисколько не шутя. – Если вам угодно знать, я чувствовал себя так, будто на мне ничего нет, а это мне не по душе. Казалось, она заглядывает внутрь меня и спрашивает, что я сделаю, если она позволит мне сбежать домой, в Шир»

... «Мне это показалось необыкновенно странным, - сказал Боромир. – Может быть, это была всего лишь проверка, и она намеревалась прочитать наши мысли в благих целях; но я бы, пожалуй, даже сказал, что она нас соблазнила...»)

«Тайный сад» Госпожи является герою во сне или видении; в поэме идет постоянная игра со словами, обозначающими «сон», «грезу»; герой находится на границе сна и яви. Но Лориен тоже тесно связан со «сном», «пограничным существованием». Само слово Lothlorien переводится Толкином на английский как Dreamflower, Цветок грез. Усеченное название этой земли, Лориен, как раз полностью соответствует ее функции в повествовании. Лориен – имя одного из Валар (Ирмо), который является хозяином снов. С одной стороны, в Лотлориене Хранители наслаждаются отдыхом и покоем; с другой – не следует забывать, что у Валы Лориена есть брат, который повелевает царством смерти, и намек на то, что Лориен напоминает царство смерти, в тексте достаточно заметен:

“But tonight I shall sleep without fear for the first time since I left Rivendell. And may I sleep deep, and forget for a while my grief! I am weary in body and in heart” He [Aragorn] cast himself down upon his couch and fell at once into a long sleep.

The others soon did the same, and no sound or dream disturbed their slumber”

(«Но сегодня я буду спать без страха впервые с того времени, как вышел из Ривенделла. И хотел бы я заснуть крепко и на время забыть мое горе! Я изнурен и душой, и телом», - Арагорн упал на свое ложе и в мгновение ока уснул надолго.

Другие сделали то же, и ни шум, ни сновидения не тревожили их покоя)

Парадокс: попав в страну, именуемую буквально «Сон», Хранители *спят, не видя снов*.

Фраза Арагорна *And may I sleep deep* странным образом по структуре и интонации перекликается с репликой Теодена *Thus shall I sleep better*, которую он произносит, решаясь выступить в поход против Сарумана и не слишком надеясь при этом на благоприятный исход.

Практически неспящим в Лориене остается один Леголас – который не просто эльф, но еще и родственник кому-то из местных жителей (возможно, судя по тому, как приветствует каждого из Хранителей Келеборн, Леголас состоит в родстве именно с Келеборном: *Welcome son of Thranduil! Too seldom do my kindred journey hither from the North!* (Здравствуй, сын Трандуила! Редко же мои родичи приходят сюда с Севера) - но других указаний на это родство, насколько нам известно, нет⁴), то есть «свой»; *after the first night he did not sleep with the other companions* (после первой ночи он не спал вместе с остальными); как рыба в воде не тонет, так и существо, причастное миру снов, само не спит – правда, то, что Леголас и спит несколько странно с точки зрения простых смертных, выясняется уже *после того*, как Хранители покидают Лориен, что тоже примечательно. (Хотя спать как Леголас, на ходу и с открытыми глазами, может и обычный человек, но человек, у которого после длительной бессонницы начинается тяжелое нервное расстройство; синдромом «сна Леголаса» страдали во время войны солдаты, не спавшие по много дней в течение длительных марш-бросков – не исключено, что Толкин на войне видел это сам).

На то, что Лориен похож на царство смерти, указывает и то, что Хранители попадают туда *зимой* (зима часто выступает метафорой смерти).

Слова, обозначающие «сон» и «грезу», возникают в главах, посвященных Лориену, только в связи с Зеркалом Галадриэли (возвращаясь к сказанному ранее: атрибутом Исиды тоже было *зеркало* - хотя, еще раз повторим, это всего лишь аллюзия на уровне архетипа), при описании тех видений, которые возникают у Фродо и Сэма, когда они смотрят в Зеркало: *Like a dream the vision shifted and went back; The vision faded*. (Словно сон, видение изменилось и появилось снова; Видение померкло)

Интересно, что и Фродо с Сэмом в Зеркале, и герой поэмы Томпсона во взоре Владычицы видят картины примерно с одним и тем же смыслом: изображения эсхатологических сцен, поворотных моментов, которые изменяли мироздание. Герой поэмы Томпсона видит землю после Всемирного потопа, затем – сцену распятия Христа, то есть два самых важных момента во взаимоотношениях Бога и человечества (моменты примирения, искупления, возникновения жизни и радости из страданий и смерти). Фродо же видит *many swift scenes that [he] in some way knew to be parts of a great history in which he had become involved* (множество проносящихся картин, которые, как он каким-то образом понимал, были частями великой истории, участником которой он стал); причем герой Томпсона видит Ноя, сажающего на горе Арарат виноградник после *потона* – Фродо видит, по версии некоторых комментаторов, корабль Эллендила, спасшегося из *затонувшего Нуменора*.

On Ararat there grew a vine,
When Asia from her bathing rose;
Our first sailor made a twine
Thereof for his prefiguring brows...

On Golgotha there grew a thorn
Round the long-prefigured Brows.
Mourn, O mourn!
For the vine have we the spine? Is this all the Heaven allows?

On Calvary was shook a spear;
Press the point into thy heart -
Joy and fear!

All the spines upon the thorn into curling tendrils start.

(Там на Апарате выросла лоза, когда Азия поднялась из своей купели; из нее наш первый мореплаватель (то есть Ной) сплел венок для своего древнего чела... Там на Голгофе вырос терн для предвечного чела. Плачь, о, плачь! Вместо лозы мы имеем шипы? Неужели Небо это все позволяет? На Кальварии (то есть Голгофе) потрясли копьем. Вонзи наконечник в свое сердце – о радость и страх! Все терновые шипы обращаются во вьющиеся виноградные усики)

The mist cleared and he saw a sight which he [Frodo] had never seen before but knew at once: the Sea. Darkness fell. The sea rose and raged in a great storm. Then he saw against the Sun, sinking blood-red into a wrack of clouds, the black outline of a tall ship with torn sails riding up out of the West. Then a wide river flowing through a populous city. Then a white fortress with seven towers. And then again a ship with black sails, but now it was morning again, and the water rippled with light, and a banner bearing the emblem of a white tree shone in the sun. A smoke as of fire and battle arose, and again the sun went down in a burning red that faded into a grey mist; and into the mist a small ship passed away, twinkling with lights.

(Туман рассеялся, и Фродо увидел то, чего не видел никогда раньше – и вместе с тем сразу догадался, что это Море. Упала тьма. Море вздымалось, охваченное гневом великой бури. Затем он увидел на фоне кроваво-красного солнца, тонущего в обрывках туч, черный силуэт высокого корабля с рваными парусами, несущегося по волнам с Запада. Затем – широкую реку, протекающую через людный город. Затем – белую крепость с семью башнями. Затем – снова корабль с черными парусами, но на сей раз было утро, и по воде пробегали блики света, а на солнце сияло знамя с эмблемой белого дерева. Поднялся дым, словно от огня и битвы, и снова солнце зашло, пылающе-красное, и исчезло в серой мгле; и во мглу ушел маленький кораблик, поблескивая огнями)

Интересно и встречающееся несколько раз в этом стихотворении слово *twine* – как глагол и существительное: «венки» или «сплести венки»; помимо процитированных ранее, можно привести и такие строки, продолжающие данный образ: *That from spear and thorn alone May be grown For the front of saint or singer any divinizing twine.* («...Что из одних только шипов и терний можно сплести обожествляющий венец для чела святого и певца») В песне Галадриэли, которую она – на сей раз на «понятном» языке – поет накануне прощания с Хранителями, есть строки: ... *Too long I have dwelt upon this Hither Shore And in my fading crown have twined the golden elanor.* (Слишком долго я прожила на этом берегу и сплетала золотой эланор для моего блекнувшего венца) Здесь образ «венка» и у Толкина, и у Томпсона служит метафорой судьбы, участи персонажа, причем тяжелой: у Томпсона участь настоящего поэта приравнивается к ношению тернового венца, у Толкина с вянущим венком из эланора – цветка красивого, но обреченного на

гибель и тление - Галадриэль сравнивает свое (успевшее ей за много лет надоеть) пребывание в Средиземье, в «мире сем». Причем слово *twine* оказывается рядом со словом *elanor* (звучащим тоже подозрительно похоже на *Elenore*).

Однако если с «грезой» все относительно понятно, непонятным остается элемент «цветок». Цветы растут и в Рохане, и в Итилиене, и в Лебенине – но почему-то элемент «цветок» присутствует только в топониме «Лотлориен». Если учесть, что собственно цветов в Лориене не так уж и много (и они всего двух видов – эланор и нифредил; если сравнить по составу флоры Лориен с тем же Итилиеном, право называться «цветущим» скорее имеет Итилиен – хотя с цветущими растениями там наблюдается некая странность: в Итилиен Фродо и Сэм попадают ранней весной, но некоторые из растений, встреченных ими – например, шалфей – в природе зацветают только летом; если, конечно, Толкин здесь не перепутал шалфей и душицу, которая действительно цветет весной) и что Хранители туда попадают зимой (сезон, не предполагающий цветения), загадочность этого топонима усиливается.

Возможно, разгадать эту загадку может обращение к стихам Томпсона. У Томпсона в стихотворениях (*The Poppy to Monica*, “*The sleep-flower sways in the wheat its head...*”) присутствует образ *Sleep-flower, withering flower of dreams* (сонного цветка, вянущего цветка грез). *The flowers of dreaming* (цветы сна) растут и в саду Госпожи Видений. Причем этот «цветок сна»⁵ мало похож на лориенские растения: это мак (*poppy*) (*flowers of dreaming* из сада Госпожи – скорее всего, тоже маки; подчеркивается их красный цвет), цветок для Средиземья достаточно чужой. В мире, описываемом Толкином, практически отсутствуют растения с красными цветами (можно вспомнить красные львиные зевы в саду Бильбо, еще несколько малозначимых упоминаний; вообще-то удивительно, почему в Рохане Арагорн, Леголас и Гимли не встретили ни одного мака и ни одного тюльпана – эти цветы как раз вполне обычны для степей и цветут именно весной), что само по себе примечательно – в то время как для Томпсона упоминание красных роз и маков и вообще красная цветовая гамма достаточно обычны; в этом одно из принципиальных различий Толкина и Томпсона⁶. Однако мак с незапамятных времен ассоциируется со сном, покоем и забвением (например, богиня ночи Нюкта и бог сна Гипнос у древних греков изображались в маковых венках); кроме того, упоминание о маке недвусмысленно указывает на пагубное пристрастие Томпсона к опиуму. Мак у Томпсона – цветок, с одной стороны, дающий сон и забвение, с другой – способный пробудить воспоминания, в том числе воспоминания о прошлой любви, о разлуке с любимым человеком: *...the flower Of sleep brings wakening to me, And of oblivion memory* (... цветок сна приносит мне пробуждение, цветок забвения – память) (вспомним сцену, когда Арагорн стоит с цветком эланора в руке и вспоминает об Арвен).

Мак у Томпсона оказывается и своеобразной ипостасью авторского Я: мак, который срезается серпом во время жатвы, ассоциируется у Томпсона с человеческой судьбой (серп как орудие времени и, следовательно, смерти является очень древним символом), причем не просто с судьбой человека вообще, а с судьбой поэта и мечтателя (см. стихотворение в Приложении).

Таким образом, *sleep-flower* оказывается противопоставлен неумолимому времени, губящему все живое. То же самое можно сказать и о толкиновском Лориене: это страна, существующая наперекор времени, a *timeless land* (земля без времени). Вместе с тем Лориен способен существовать вне времени только благодаря силе кольца Галадриэли: *Yet if you succeed, then our power is diminished, and Lothlorien will fade, and the tides of Time will sweep it away*, - говорит Галадриэль Фродо (Даже если ты победишь, наша сила уменьшится, и Лотлориен исчезнет, и волны времени сметут его).

Наконец, общение с Госпожой делает героя поэтом, заставляет его по-новому взглянуть на его судьбу и дар. С другой стороны, герой все время сокрушается, что он не может воспеть надлежащим образом то, что видит, что он для этого слишком слаб и робок, что он всего лишь

простой смертный (воспевать это для него все равно что заигрывать со стихиями). Более того, Госпожа откровенно говорит ему, что подлинное поэтическое искусство – не для смертных и что научиться ему можно только в ее мире (куда герой случайно попадает во сне, но вряд ли когда-нибудь сможет попасть наяву):

«But woe the singer, woe!’ she said; ‘beyond the dead his singing-lore,

All its art of sweet and sore,
He learns, in Elenore!»

(Но увы, певец, увы тебе! – сказала она. – Не для смертных это песенное искусство, сладкое и горькое, которому учатся лишь в Эленоре)

(Ср. цитировавшееся ранее высказывание о плаче Галадриэли: *the language was that of Elvensong and spoke of things little known on Middle-earth*)

Впрочем, выражение *beyond the dead his singing-lore* можно перевести и как «его песенная мудрость – за пределами смерти». То есть получается, что для того, чтобы попасть в Эленор и там научиться песенному искусству, сначала нужно... **умереть**; Впрочем, Томпсон не настолько пессимистичен: «умереть» в данном случае означает изменить свое отношение к жизни, стать другим вследствие постижения истинной сути вещей – то есть пройти обряд посвящения в некую тайну.

У Толкина этот момент обыгрывается почти в пародийном ключе: Фродо, наслушавшись эльфийских песен о гибели Гэндальфа, решает сам излить свою скорбь во вдохновенных строфах, но у него получается нечто слегка графоманское и не нравящееся ему самому (хотя не искусственному в поэзии Сэму стихи приходится по душе).

These dim **snatches** of her chant

Only have remained mine...

(мне остались только эти сумбузные обрывки от ее песни)

- говорит герой Томпсона, страдая, что не может передать в своих стихах всю красоту и мудрость песни, которую поет Госпожа. Когда же Фродо пытается продекламировать Сэму свой опус, от его замысла **only snatches remained, faded as a handful of withered leaves** (остались только обрывки, блеклые, как горсть увядших листьев) (последнее словосочетание тоже явно соотносится с выражением Томпсона *withered dreams*).

Не всегда можно сказать, являются ли эти интертекстуальные переключки следствием прямого влияния поэзии Томпсона на Толкина, или же в некоторых случаях оба автора работают независимо друг от друга, а общность между ними возникает благодаря неоромантическому дискурсу, с одной стороны, и католическому по преимуществу мировосприятию – с другой. Однако, как нам видится, интертекстуальные связи между Толкином и Томпсоном позволяют, во-первых, лучше понимать Толкина, а во-вторых, рассматривать творчество Толкина на фоне более широкого литературного контекста.

Примечания

¹См. Мочульский К.В. Валерий Брюсов. Александр Блок. Андрей Белый.– М., 1996

²В IV томе НоМЕ присутствует даже вариант текста, в котором Лутиэн и Тинувиэль – два разных персонажа, причем первый – мужчина, а вторая – женщина (почти как в анекдоте про нерадивого школьника, который считал, что в конце известной гоголевской повести «Тарас женился на Бульбе»).

³Мотив воды, влаги тоже имплицитно присутствует у Томпсона, причем именно в странном на первый взгляд выражении the Lady of fair weeping; этот тайный сад орошается *слезами* Госпожи (а некоторые цветы существуют даже благодаря ее *крови*). Кстати, в средневековой литературе образ хозяйки заколдованного леса, испытывающей героя, нередко оказывается связан именно с водой, озером, источником – достаточно вспомнить Даму Источника (испытывающую рыцаря Оуэна) из легенд о короле Артуре. Подробнее об этом образе см. напр.: Venoot J. Le Paganisme indo-européen. – Lausanne, 2001

⁴Леголас – как видится, единственный из Хранителей, чьи родственные связи «покрыты мраком неизвестности»: кроме отца и деда (Орофэра), других его родственников Толкин не упоминает. Кстати, Леголаса и Гимли «роднит»... полное отсутствие у них матерей (даже на уровне упоминания вскользь), в то время как матери прочих Хранителей (Гилраэн, Финдуилас, Примула Брендибэк и т.д.) упоминаются или в тексте (Примула), или хотя бы в одном из приложений (Финдуилас), или по крайней мере фигурируют в генеалогических таблицах. Но, видимо, искать ответ на вопрос, кто была мать Леголаса – такое же бесполезное занятие, как выяснять имя кормилицы героя «Энеиды» Анхиза (один из вопросов без ответа, которыми любили развлекаться позднеримские интеллектуалы).

⁵Справедливости ради следует заметить, что образ «сонного цветка» вообще был достаточно характерен для поэзии модернизма: достаточно вспомнить стихотворение Блока «Ночная Фиалка», в котором речь тоже идет о некоем заколдованном чарами цветка (Ночной Фиалки) сонном царстве.

⁶Что же до пресловутых черных маков, в изобилии взращенных на страницах «Черной книги Арды», хотя они не имеют к Толкину ни малейшего отношения, то у них есть также, как видится, совершенно конкретный литературный прообраз, и тоже из английской литературы конца 19 века: черные маки (black poppies) растут в саду у злого волшебника в сказке О. Уайльда The Star-Child. Если учесть, что один из авторов «Черной Книги» - специалист по поэзии И. Северянина (ориентировавшегося на Уайльда), в этом нет ничего невозможного.

Приложение

Данное стихотворение не переводилось на русский язык, и поэтому сделать его стихотворный перевод взял на себя смелость автор настоящей статьи.

***

The sleep-flower sways in the wheat its head,
Heavy with dreams, as that with bread:
The goodly grain and the sun-flushed sleeper
The reaper reaps, and Time the reaper.

I hang 'mid men my needless head,
And my fruit is dreams, as theirs is bread:
The goodly men and the sun-hazed sleeper
Time shall reap, but after the reaper
The world shall glean of me, me the sleeper!

Love! love! your flower of withered dream
In leaved rhyme lies safe, I deem,
Sheltered and shut in a nook of rhyme,
From the reaper man, and his reaper Time.

Love! I fall into the claws of Time:
But lasts within a leaved rhyme
All that the world of me esteems -
My withered dreams, my withered dreams.

Румяный мак среди спелых хлебов
Качается, отяжелев от снов.
Но и мак, и золотая пшеница
Под серпом падут, когда срок свершится.

Так и я среди людей, как мак среди хлебов,
И их пища – из хлеба, моя - из снов.
И труженика, и поэта-сновидца
Время-серп сразит, когда срок свершится,
Но в житнице мира мой дар сохранится.

Любовь! Твой цветок увядших снов
Запрятан в строках моих стихов.
От времени скроют его страницы,
Что наточит серп, когда срок свершится.

Любовь, меня время в свой срок пожрет,
Но в строках моих навек не умрет
Все то, чем дни мои были полны -
Увядавшие сны, увядшие сны.

Виноходов Д. О.

«МЕЖДУ ИНГОЛЬДОМ И ХРИСТОМ»

То, что философская насыщенность произведений Дж. Р. Р. Толкина чрезвычайно высока, признается как почитателями, так и активными критиками этого великого мыслителя. Столь трогательное единодушие омрачается тем, что если для одних данное обстоятельство является едва ли не самой привлекательной чертой *Властелина колец* и *Сильмариллион*, то находятся и иные – те, которым ненавистны любые проявления свободы человеческого мышления и взгляды, отличные от их собственных, и которых раздражает сам факт существования книг Профессора. Доходит до того, что Толкина всерьез обвиняют в создании некоего “*гностического, жизнеотрицающего, антихристианского лжеучения*”, утверждают, что его книги “*содержат прямую пропаганду ценностей западного мира под видом так называемых «общечеловеческих ценностей»*” и даже разрабатывают рекомендации для органов государственной власти по борьбе с распространением «толкинизма». К счастью, подобные легковесные заявления получают вполне адекватную реакцию и неумолимо опровергаются, что было продемонстрировано в публичном диспуте в 1999 году.

В то время как такая странная, скажем так, «кочка зрения» встречается у людей, знакомых с творчеством Толкина лишь поверхностно, в среде самих толкинистов достаточно широкое распространение получил диаметрально противоположный взгляд: “*Книги Дж. Р. Р. Толкина христианские! Это аксиома! Давно доказанная!*” На практике этот взгляд выражается в жесткой привязке книг Профессора к христианской, а порою, более узко, – к католической религиозной концепции и даже в отрицании самой возможности рассмотрения его творчества с иных философских позиций.

При всем при том, разумеется, следует заметить, что сами по себе попытки истолкования коренных понятий, лежащих в основе мира

Арды, в рамках их соответствия христианскому богословию весьма часто оказываются вполне успешными. Это не может удивлять нас, ведь общеизвестно, что Дж. Р. Р. Толкин был практикующим католиком и вера играла значительную роль в его жизни и творчестве. Скорее было бы странно, если б он, описывая свой воображаемый мир, сознательно и, тем более, подсознательно исключил из него абсолютно все,

что относится к христианской картине мира, в истинности которой он был убежден. В ряде писем Толкин однозначно указал на христианский дух своих произведений: например, в письме к иезуиту Роберту Марри он пишет: “*Разумеется, Властелин колец - в основе своей произведение религиозное и католическое; поначалу так сложилось неосознанно, а вот переработка была уже вполне сознательной*” (Letters, №142). Кроме того, многие видные представители различных христианских конфессий положительно оценивают его книги. Так, англиканин К. С. Льюис отзывался о произведениях Дж. Р. Р. Толкина с большим одобрением; Иоанн Павел II, еще будучи кардиналом Войтылой, включил *Властелина колец* в число книг, рекомендуемых католической молодежи для прочтения, а такие видные представители Русской православной церкви, как Андрей Кураев, Петр Малков и Александр Дворкин, в своих работах писали о Толкине и его произведениях с большой благожелательностью.

Все это так, но некоторые толкинисты почему-то считают эти и подобные факты достаточным основанием для механического перенесения в мир Арды тех положений христианства, которые не получили отражения в произведениях Профессора, и пытаются навязать всем остальным сугубо христианское толкование смысла этих произведений в качестве единственно возможного. Порой у их собеседников и оппонентов даже создается впечатление, что особо восторженные клерикалы, не в обиду будь им сказано, пытаются «монополизировать» произведения Дж. Р. Р. Толкина.

Что же следует подразумевать под словами “*книги Толкина – христианские*”? И что вообще означает понятие «христианская книга»?

Для того, чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо рассмотреть соотношение христианства и той картины мира, что явлена нам в произведениях Толкина из цикла об Арде. Сознавая, что задача эта относится к числу глобальных, попробуем все же предпринять некоторые шаги в направлении ее решения, и, возможно, этого окажется достаточно для ответа на поставленные вопросы. Христианство в целом, как и картина мира Толкина – феномены очень сложные и многогранные. Но все же, по нашему мнению, они вполне сопоставимы. И сама возможность их сопоставления обусловлена тем, что оба феномена включают в себя достаточно явно выраженные структурные элементы, представленные в соответствующих текстах. Эти элементы находятся между собой в сложном взаимодействии, потому сравнение нам придется проводить лишь в отдельных аспектах. Сегодня мы ограничимся этическим и метафизическим аспектами, а также «священной историей».

1. Этический аспект

В христианстве мораль, как совокупность нравственных правил и система критериев распознавания добра и зла, определяется

Законом Божиим. По словам Апостола Павла, Закон Божий написан в сердцах у всех людей, дабы все поступали по нему. Таким образом, он является внутренним законом, иначе – голосом совести, и в той или иной мере присущ каждому человеку. Однако не все люди слушают его и, ведя плотскую и греховную жизнь, заглушают его в себе. Поэтому в христианстве существует еще и внешний Закон Божий, предназначенный для того, чтобы напоминать людям о нем, и состоящий из десяти заповедей.

В книгах Толкина также можно встретить в той или иной степени формализованные нормы поведения отдельных групп персонажей и целых этносов, но интерес представляют также и результаты самосовершенствования отдельных персонажей, которые автор предлагает читателям в качестве положительных примеров.

Попробуем соотнести их между собой, и начнем с первой заповеди: 1) *“Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози инии, разве Мене”* (Исх. 20, 1-17). Хотя Карпенгер в *Биографии Профессора* и пишет о том, что *“Бог во вселенной Толкина присутствует, но остается незримым”* (с. 145), Илуватар, вне всякого сомнения, является Тем, Который «Аз Есмь» – это подтверждается и недвусмысленными указаниями самого Толкина. Поклонения иным богам также упоминаются в легендарии, но подобные действия присущи лишь падшим народам.

2) *“Не сотвори себе кумира и всякаго подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишия им, ни послужиши им”*. Строительство в Палисоре и в Нумэноре храмов Мэлькора, которому обманутые люди служили вместо Бога, в текстах Толкина однозначно осуждается.

3) *“Не возмеши имене Господа Бога твоего всуе”*. Данная заповедь в полной мере воплощена в мифологии Толкина. К Илуватару даже валар взывают лишь в исключительных случаях, как, например, произошло во время похода Ар-Фаразона.

4) *“Помни день субботный, еже святити его: шесть дней делай, и сотвориши (в них) вся дела твоя, день же седмый – суббота – Господу Богу твоему”*. В христианской церкви вместо субботы празднуется воскресенье – со дня Воскресения Христова. В наших руках имеется не так много информации о распорядке жизни обитателей Средиземья, но известно, что, так сказать, «выходным» днем у хоббитов считалась пятница. Но как бы то ни было, в Нумэноре существовали определенные дни, когда люди всенародно *“к Господу зывали, Господа восхваляли и Господу поклонялись”*.

5) *“Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будеши на земли”*. Почтительное отношение к родителям и повиновение им является одним из краеугольных камней построения быта народов Запада в книгах Толкина. Примеры этого многочисленны.

6) *“Не убий”*. Эта заповедь в мире Арды не всегда заметна с первого взгляда. В самом деле, кровь в Средиземье льется рекой. Но несмотря на это, Толкин делает шестую заповедь одним из главных выводов *Властелина колец*. Фродо, начав с сожаления о том, что Голлум не был убит его дядей, пройдя через тяжкие испытания, приходит к принципиальному неприятию отнятия жизни, к отказу от оружия, приняв тем самым увещание Гандалфа: *“смерти заслуживают многие – а живут, несмотря ни на что. Многие, наоборот, заслуживают жизни – и умирают. Ты можешь их воскресить? Нет? Тогда не торопись выносить смертный приговор именов справедливости, когда на самом деле ратуешь только за собственную безопасность”*.

Это верно для *Властелина колец*, но в других книгах Толкина мы можем увидеть и другое отношение к убийству. Вернее, к самоубийству. Этот смертный грех совершает Турин, но его поведение ни в коей мере не осуждается; напротив, этому герою еще предстоит принять участие в Дагор Дагоррат. По всей видимости, это говорит о том, что этическая составляющая мифологии

Толкина впитала в себя и элементы языческих эпосов - например, таких, как *Калевала*.

7) “*Не прелюбы сотвори*”. Пожалуй, в современной литературе найдется не так много масштабных произведений, столь же целомудренных, как книги Толкина. В свое время это даже послужило поводом для критики со стороны любителей, так сказать, «правды жизни». Что ж, кому нравится поп, кому – попадья, а кому – попова дочка, как говорится, но в книгах Толкина мы действительно видим яркие примеры отвержения таких вещей, как блуд, прелюбодеяние и кровосмешение.

8) “*Не укради*”. Всем, наверное, памятен фермер Мэггот, у которого юный Фродо таскал грибы, памятен и тот стыд, который хоббит испытывал впоследствии. Духовное взросление этого героя поддерживается в данном случае еще и противоположностью воровства – добродетелью бескорыстия, проявленную фермером, который отнюдь не таит злобы на бывшего проказника и даже дает ему на дорогу грибы в подарок.

9) “*Не послушествуй на друга своего свидетельства ложна*”. Об ужасных последствиях нарушения этой заповеди нам ярко свидетельствует, например, случай, когда Голлума, уже близкого к раскаянию и, возможно, даже спасению, Сэм грубо оскорбляет неоправданным обвинением.

10) “*Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего*”. Запрещение даже думать о несправедном, приведенное в десятой заповеди, не проявляется в книгах Толкина явно. Но те из жителей Средиземья, что страстно желают того, что им не принадлежит, в большинстве случаев кончают печально. Таковы и Мэльбор, таковы и фэаноринги, таковы даже Саквиль-Бэггинсы.

Как видно, в этическом аспекте наблюдается значительное соответствие между христианством и нравственными законами народов Западного Средиземья. Хотя есть и некоторые различия. С одной стороны, это, разумеется, является следствием жизненных принципов автора текстов. Но с другой - и следствием всеобщности этих нравственных законов: ведь, как говорил Кант, “*значение нравственного закона до такой степени обширно, что он имеет силу не только для людей, но и для всех разумных существ вообще*”.

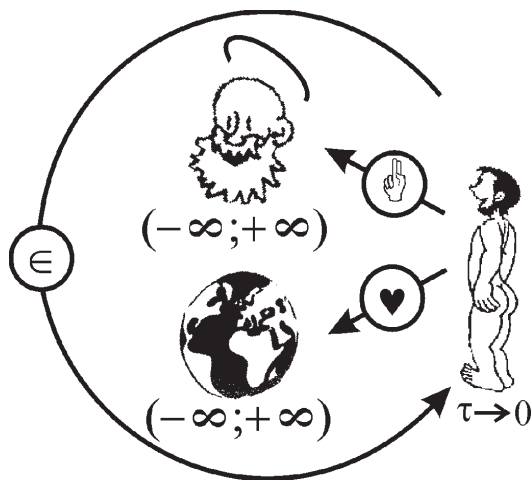
II. Метафизический аспект

Попытки сравнения книг Толкина и христианства в аспекте метафизики предпринимались неоднократно. Многие из этих попыток были, по нашему мнению, весьма удачными: удалось показать эквивалентность или схожесть многих важных категорий метафизики Толкина и христианской метафизики. Например, Эру эквивалентен Богу, валар и майар во многом сходны с ангелами. Однако сходство, эквивалентность и даже идентичность отдельных категорий двух метафизических картин еще не означает, что идентичны сами картины. Поэтому для того, чтобы соотнести между собой метафизику Толкина и метафизику христианства, необходимо рассмотреть их как независимые системы, как совокупности элементов и связей между ними - то есть на основе системного подхода.

Вычленение метафизической системы из художественного текста можно проиллюстрировать на примере стихотворения Н. С. Гумилева *Фра Беато Анджелико*, заключительное четверостишие которого звучит так:

“Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.”

Мы видим, что метафизическая картина стихотворения представлена в виде системы. Таким же образом теоретически могут быть представлены метафизика Толкина и метафизика христианства. И тогда появляется возможность проводить полномасштабное их сопоставление. При этом возможны три варианта.

1) Идентичность сравниваемых метафизических систем может быть констатирована лишь при полном совпадении составленных схем.

2) Нетождественность метафизических систем доказывается явным несовпадением соответствующих элементов или связей, наличествующих в данных системах. Причем для достижения этого результата не обязательно расписывать сравниваемые схемы в полном виде. Достаточно изучить те их соответствующие фрагменты, которые содержат существенные различия.

3) Если же мы имеем схемы с разной степенью подробности, совпадающие по имеющимся в обеих схемах элементам и связям, то можно говорить о том, что менее подробная схема не противоречит более подробной.

В настоящее время у нас нет возможности составить соответствующие схемы для обеих метафизик с должной степенью детальности: это задача весьма сложная и требующая немало времени и труда. Следовательно, мы не можем делать вывода об идентичности метафизики Толкина и метафизики христианства. Но отдельные соответствующие элементы этих метафизик мы вполне можем сравнить между собой.

Один из таких элементов – категорию смерти – мы уже рассмотрели в докладе на III Толкиновском Семинаре. Напомню, что эта категория в метафизике христианства и в метафизике Толкина имеет ряд принципиальных и коренных различий:

– в первой смерть предстает в двух ипостасях – смерть телесная и смерть духовная, во второй

она одна – смерть людей отлична от мнимой смерти иных существ;

– в первой смерть телесная представляет собой разлучение души и тела, во второй смерть – это уход фэа за пределы Кругов Мира;

– в первой все умершие (до 34 г. по Р. Х.) после смерти отправлялись в ад (за исключением Еноха и Илии, преодолевших смерть и вознесенных на небо в телесной форме), во второй – умершие люди направлялись к Эру за пределы Эа;

– в первой смерть не изначально присуща людям, во второй – изначально присуща людям и только людям;

– в первой смерть возникла в результате грехопадения человека, во второй – задумана Эру еще до пробуждения людей и никоим образом не связана с их Падением;

– в первой смерть является наказанием за неповиновение Богу, во второй – даром Илуватара, особой привилегией людей;

– в первой смерть – временное свойство павшего и тем ущербного человеческого рода, и в отдаленной перспективе должна быть преодолена в результате воскресения, во второй – не имеет обозначенной перспективы изменения, а людям суждено вступить во Второй Хор Айнур за пределами Эа.

Вторым важнейшим элементом, отличающим сравниваемые метафизики, является первопричина искажения мира и появления в нем зла. Вот, что говорит об этом сам Толкин: *“На мой взгляд, различие между данным Мифом и тем, что, вероятно, можно назвать христианской мифологией, заключается в следующем. В последней Падение Людей следует за и является следствием (хотя и не обязательным) «Падения ангелов»: бунта сотворенной свободной воли на уровне более высоком, нежели человек; однако здесь не утверждается определенно и недвусмысленно (а во многих версиях не утверждается вовсе), что бунт затронул «Мир» и его природу: зло было привнесено извне, Сатаной. В данном Мифе бунт сотворенной свободной воли предшествует сотворению Мира (Эа); и Эа содержит в себе привнесенные через вторичное творчество зло, бунты, диссонирующие элементы своей собственной природы, уже тогда, когда прозвучало «Да будет так». Следовательно, падение или искажение всего, что в ней есть и всех ее обитателей, стало возможностью, если не неизбежностью.”* (Letters, №212).

Думаю, мнение Толкина выражено исчерпывающе ясно и точно.

Итак, метафизическая картина мира Толкина принципиально отличается от христианской метафизики по крайней мере в одной из категорий и в одной из связей между элементами. И Толкин это вполне осознавал, ведь недаром он утверждал: *“я не чувствую себя обязанным «подгонять» свою историю к формализованной христианской теологии, хотя на самом-то деле старался сделать ее созвучной христианской мысли и вере”* (Letters, №269). Так же он говорит и в другом своем письме: *“Я – не метафизик; но счел бы смешной метафизику (а она не единственна, число метафизических систем велико, потенциально – бесконечно), которая объявила бы все известное [...] единственно возможным, единственно правильным, единственно богоугодным!”* - и далее особо подчеркивает, что метафизика его мифической истории вовсе *“не обязательно соответствует метафизике реального мира”* (Letters, №153).

III. Священная история

Аспект «священной истории» разбирать подробно, по нашему мнению, не имеет смысла. Ведь совершенно очевидно, что последовательности событий, изложенные в Библии и в книгах Толкина, имеют очень мало общего.

Итак, мы полагаем, что книги Толкина могут быть названы христианскими лишь в том смысле (и ни в каком ином), что Профессор, будучи христианином, сознательно или неосознанно воплотил в своих произведениях то мировоззрение, которого придерживался в повседневной жизни. Однако это не означает, что, кроме христианских идей и ценностей, в его текстах нет ничего другого. Напротив, неоднократно показано, что на его произведения оказали влияние и иные культурные традиции. Как хорошо сказал Том Шиппи, *“Толкин [...] мудро старался придерживаться среднего пути – между Ингольдом и Христом, между Библией и языческим мифом”*. Не вступив в противоречие с христианским мировоззрением автора, внехристианские элементы все же обусловили специфичность и обособленность итоговой картины мира, представленной в комплексе текстов Профессора. При этом очень важно, что философский поиск Толкина ни в коей мере не перерастает в какое-либо вероучение и потому даже с точки зрения строгих клерикалов не может быть предосудительным, ибо, как писал Григорий Богослов, *“философствуй о мире или о мирах, о веществе, о душе, о разумных добрых и злых природах, о воскресении, суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях. Касательно этого и успеть в своих исследованиях не бесполезно, и ошибиться не опасно”*.

Выводы:

1. Книги Толкина не вступают в открытый моральный конфликт с христианской религией, но в них присутствуют внехристианские нравственные ценности и культурные традиции, обуславливающие специфичность и обособленность итоговой картины мира Профессора.
2. Метафизическая картина мира Толкина имеет ряд несомненных и принципиальных качественных отличий от христианской метафизики.
3. История мира, представленная в книгах Толкина, несхожа со «священной историей», признаваемой христианством.
4. Таким образом, книги Толкина могут быть названы христианскими лишь в том смысле (и ни в каком ином), что Профессор, будучи христианином, сознательно или неосознанно воплотил в той или иной мере в своих произведениях те нравственные идеалы, которых придерживался в повседневной жизни.

Следствие:

Толкования отдельных событий, описанных в книгах Толкина, с точки зрения христианской метафизики и христианского мировоззрения допустимы, однако не существует причин для внесения дополнений в историю Арды, основанных на Священном Писании.

